

Твой Дрѣм

КСАНА М.

18+

Ксана М.

ТВОЙ ДЫМ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36074177

SelfPub; 2022

Аннотация

Он жестокий и всевластный дикарь, считающий, что все в этом мире зависит только от него. Она мечтательная и свободолюбивая девушка, стремившаяся чего-то достичь в этой жизни. У него нет сердца, а у неё самая чистая душа. Он не знает, что такое радость, а она каждый день улыбается новому дню. Его зовут Дарен Бейкер, и он пойдет на все, чтобы получить желаемое. Её имя Эбигейл Дэвис, и она готова бороться за то, что мы называем любовью. Судьба свела этих людей вместе, но забыла, что при этом соединятся две противоположности. Она даже не предполагала, что Раю придется столкнуться с Адом.

Содержание

1. Эбигейл	5
2. Дарен	19
3. Эбигейл	34
4. Дарен	51
5. Эбигейл	74
6. Дарен	90
7. Эбигейл	110
8. Дарен	133
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Ксана М.

ТВОЙ ДЫМ

Любовь — это ниточка, способная соединить две родственные души воедино, пусть даже одна из этих душ падшая.

1. Эбигейл

Шумная музыка, грязные танцы, алкоголь, крики, драки, обжимания и все, что ко всему этому прилегает — это привычные элементы, наполняющие самые обычные развлекательные места Манхэттена. И модный клуб «Айрис» не стал исключением. Каждый вечер это заведение заполняли люди, у каждого из которых была своя отдельная история. Кто—то приходил сюда для того, чтобы расслабиться, посидеть с друзьями, выпить и поговорить. Кто—то воспринимал такие вечера, как возможность завести новые знакомства. Кому—то была необходима хорошая встряска, как говорят, «адреналин в кровь», а кто—то приходил сюда для того, чтобы утопить свое горе в очередной порции алкоголя, а большинство людей из данной категории совершенно не знали меры. Вы думаете, в таких заведениях что—то меняется? Нет. И сегодняшний вечер стал ещё одним подтверждением того, что данная схема движется лишь в одном направлении — по бесконечному кругу.

Я работала здесь уже два года. Не сказать, чтобы мне нравилось мешать коктейли и слушать пьяные разговоры, а порой и терпеть грязные приставания посетителей, просто выбирать особо не приходилось. А я с самого детства научилась довольствоваться тем, что давала жизнь, не смея про-

сильно о большем.

Вот и сейчас, прекрасно понимая, что без этой работы просто не выкарабкаюсь, проводила свою очередную лечебную терапию:

— Бен, если я налью тебе ещё, то боюсь, что до дома ты просто не доедешь, — мой голос был ровным, и я старалась говорить внятно.

— Плевать! — отмахнулся старик и покачнулся на стуле, но благодаря моей отменной реакции, благодаря которой я поймала его за рукава, ему удалось благополучно удержаться на месте. — У меня теперь нет дома, — пьяным голосом заливал он, пытаюсь снова не завалиться назад.

— Ты лишаешься дома практически ежедневно, но все равно возвращаешься обратно, — старалась успокоить его, одновременно следя за тем, чтобы он не грохнулся на пол.

— На этот раз не вернусь! — театрально сказал старик. — Она, — он поднял свой трясущийся указательный палец и направил его куда-то в сторону, — она меня доконала, — произнес Бен чуть тише. — И я больше не хочу её видеть, — он замотал головой, — никогда.

— Я сейчас позвоню Аманде, и она заберет тебя к себе, хорошо?

Бен лишь усмехнулся и развел руками.

— Да зачем ей нужен такой неудачник? Она не заслуживает пьяницу, которого презирает даже собственная жена!

— Не говори ерунду, Бен, — строго сказала я. — Аманда

любит тебя и никогда не бросит в таком состоянии.

— Она не заслуживает такого отца, — словно не слыша меня, повторял старик. — Посмотри, что сделала со мной жизнь!

— Это сделала с тобой не жизнь, Бенджамин Уайт, а бутылка, — от такой откровенности старик даже замер. — Да что с тобой? Ты приходишь почти каждый вечер, и, не уставая, повторяешь одно и то же: что твоя жизнь паршива и ты не достоин той любви, которую дарит тебе твоя семья. Но знаешь, что я тебе скажу? — сделала паузу, при этом, отодвигая от него стакан с виски. — Ты не прав. Потому что твоя семья — это лучшее, что когда—либо с тобой случилось. Ты должен ценить свою дочь и свою жену, потому что таких, как они днём с огнём в нашем мире не сыщешь.

— Эбби...

— Достаточно, Бен, — выдохнула. — Хватит жалеть себя. Начни просто жить. Жить так, как всегда хотел. Не думая, что выпивая очередную порцию алкоголя, ты что—то меняешь в себе или в своей жизни. Это «что—то» изменится лишь тогда, когда ты приложишь к этому усилия, — я положила свои локти на барную стойку и позволила себе облокотиться о неё. — Иди умойся холодной водой, а я пока позвоню Аманде.

Я заметила, как затряслась его нижняя губа и как вытянулось лицо. Его глаза стали совершенно иными. Они словно наполнились жадной жизни. Той жадной жизни, которую Я

так ценила в людях. И встретить которую удавалось всё реже.

Бен кивнул, а затем медленно встал на ноги и побрел в сторону уборной, пару раз удивленно, но благодарно оглянувшись. Я не любила быть строгой или читать нотации, но работая в таком месте, понимала, что свою мягкость нужно уметь скрывать. А в большинстве случаев просто засовывать куда подальше.

Из жизнерадостной, наивной и доверчивой, я превращалась в рассудительную, резкую и порой даже дерзкую Эбигейл, которую так сильно в себе презирала. Но ведь если бы я не надевала эту маску, то не смогла бы заработать нужную сумму, которую хватило бы на оплату жилья, еду и учебу сестер.

Та, которой я позволяла себе становиться в клубе, получала такое количество чаевых, которое ни за что не дали бы добросердечной Эбби.

Поэтому, у меня просто не было другого выбора.

— Я дома! Где вы все? — хлопнула дверь и бросила ключи на тумбочку, роняя тяжелые пакеты с продуктами на пол.

— Биби! — маленькая девочка в розовой пижаме выбежала из дальней комнаты, а затем ловко запрыгнула мне на руки, со всей присущей ей детской силой обнимая меня за шею. — Я так скучала по тебе.

— И я скучала, милая, — ласково улыбнулась, поправляя её растрепанные волосы. — Ты хорошо спала? — она кив-

нула. — Еще не завтракала? — отрицательно покачала головой.

— Я тебя ждала, — послышался тоненький голосок.

— Ади даже не притронулась бы к еде, пока не удостоверилась, что ты дома, — Мэнди сложила руки на груди и облокотилась о стену.

— Ты ещё не собрана? — удивилась, окидывая взглядом спортивный костюм сестры. — Разве у тебя занятия не с девяти?

— Мистер Макалистер заболел, а на замену поставить некого. Поэтому сегодня поеду в колледж позже.

— А я убегаю! Уже опаздываю! — четырнадцатилетняя блондинка в гетрах и клетчатой форме пронеслась мимо как самый настоящий ураган, но при этом не забыла наспех чмокнуть меня в щеку. — Рада тебя видеть, Би! И пока!

— Элли! — крикнула своей безумной сестре. — Ты забыла свой ланч!

— Да, точно, — улыбнулась она, возвращаясь к пакету на столе.

Она быстро схватила его, а затем снова понеслась к двери.

— Удачного дня, — сказали сестры в один голос.

— И вам!

— Эй, давай—ка, иди ко мне, — сказала Мэнди, протягивая свои руки к Адель, — Эбигейл нужно принять душ и немного отдохнуть.

— Но я хочу, чтобы она позавтракала вместе со мной, —

расстроено сказала малышка.

— Обязательно, детка, — улыбнулась я, — я купила твои любимые хлопья.

— Yummy Mummy¹! — радостно вскрикнула Адель, и лишь после этого охотно слезла с моих рук.

— Мэнди, разбери пакеты, хорошо? А я пока приму душ.

— Конечно, — кивнула та, а затем усмехнулась и удивленно приподняла брови, замечая, какое количество продуктов ей нужно разобрать. — У нас праздник?

— Клиенты попались щедрые. Я и тебе кое—что прикупила, покопайся.

— О, серьезно! — послышался счастливый возглас Мэнди. — Ты лучшая на свете сестра!

— Знаю, — крикнула в ответ, невольно улыбнувшись тому, какой забавной может быть Мэнди, когда дело касается арахисовой пасты.

Да, ей девятнадцать, и да, она уже встречается с парнем, — который, кстати говоря, не внушает мне совершенно никакого доверия, — но за это лакомство моя сестра могла продать душу. И почему—то мне казалось, что это не изменится ни через десять, ни через двадцать, ни даже через сорок лет.

Для меня сестры были всем на свете. На их долю выпало много испытаний, поэтому воспоминания о прошлом были

¹ «Fruity Yummy Mummy» — одна из упаковок хлопьев от компании General Mills из серии, посвященной «чудовищным персонажам». Эти хлопья с изображением забавной мумии в песочно—розовых тонах.

болезненными для каждой из них.

А особенно для Адель.

Ей было всего шесть и, казалось, она уже давно забыла все то, что вынесла и стерпела, ведь прошло больше двух лет, но каждый раз смотря в её глубокие голубые глаза, я видела в них страх. Тот самый страх, с которым боролась изо дня в день и из месяца в месяц, пытаюсь доказать малышке, что теперь она в безопасности. И что больше никто не посмеет причинить ей боль.

Но не всегда так легко забыть то, что с нами было. Ведь иногда это оставляет нестираемые шрамы.

Я стояла под струйками прохладного душа, позволяя им стекать по уставшему телу и забирать ненужные мысли, которые ежедневно причиняли столько боли. Я увезла своих сестер, вытащила их из ада, и пускай не сразу, но девочки научились жить иначе... так почему же я до сих пор чувствую, как сердце разрывается от невыносимых мучений? Что не дает мне покоя? Что заставляет так страдать?

Каждый день я спрашивала себя об этом, снова и снова задавая себе одни и те же вопросы. Но ни тогда, ни сейчас не находила на них ответа. И с каждым днем мне все больше казалось, что никогда и не найду.

Надев белую майку и простые потертые джинсы, я вышла из ванной и, натянув радостную улыбку, взъерошила мокрые волосы.

– Вкусно? — спросила Адель, которая радостно уплетала

свои любимые хлопья.

— Да, — кивнула та, — ты не сердисься, что я начала завтракать без тебя? Я очень голодная.

— Нет, родная, — ласково сказала, погладив её по светлым кудряшкам, — я даже рада этому.

Опустилась на стул рядом и потянулась к коробке с хлопьями.

— Ээ, нет, — вдруг услышала я, а затем увидела, как Мэнди отодвигает от меня лакомство, — это для малышки Ади. А тебе мы дадим кое—что посерьезнее. На одних хлопьях с твоей работой далеко не уедешь, — с укором заявила моя сестра, а затем поставила передо мной тарелку ароматных горячих вафель с ягодами и сиропом.

— О, Боже, скажи, что мне это не снится, — взмолилась, торопливо хватая вилку со стола. Когда я отправила в рот первый кусочек, то ощутила, как он блаженно растаял на языке, оставляя после себя невероятное послевкусие, поэтому не сдержала удовлетворительного стога. — За твои кулинарные способности можно убить.

— Знаю, — довольно усмехнулась Мэнди, — поэтому оставим это нашим маленьким секретом.

— Секреты не хранятся слишком долго, — улыбнулась я, отрезая себе большой кусок, — и рано или поздно о них становится известно всем.

— Тайлер говорит так же, — эти слова заставили меня помедлить. И, конечно же, моя пронизательная сестра не смог-

ла этого не заметить. — Хотя бы попробовала бы пообщаться с ним, — на удивление спокойно сказала Мэнди. — То, что у него есть наколки, и он играет в рок—группе, совсем не означает, что ему нельзя верить.

— Он сидел в тюрьме, — заметила я, не поднимая глаз.

— За угон машины в пятнадцать! С кем не бывает?

— С нормальными парнями не бывает.

— Ты не справедлива к нему, не даешь и шанса.

— Я не хочу, чтобы он сбил тебя с пути, — призналась я, — ты знаешь, как трудно нам было встать на ноги...

— Тайлер хороший парень! — заступилась Мэнди. — Как ты можешь судить о его качествах, если видела его лишь раз!

— Мэнди, — строже сказала я, на этот раз, поднимая свои глаза вверх. — Я не буду менять своего мнения о Тайлере. Особенно потому, что *ты* думаешь иначе, — я по—особенному выделила слово «ты». — И пока я не превратилась в злобную старшую сестру, у которой на праве опеки есть полное право запретить тебе встречаться с бывшим зэком, думаю, что этот разговор можно считать оконченным.

— Хорошо, — тихо сказала она, вытирая руки о полотенце и опуская голову вниз, — я поняла тебя. Ади, когда позавтракаешь, я сама отвезу тебя в садик, — обратилась она к малышке. — Мне по пути, а Эбигейл сможет заняться своими делами.

— Ладно, — послышался тоненький неуверенный голосок, после которого Мэнди кивнула и направилась в сторону ком-

наты. — Ты не должна расстраиваться, — так же тихо сказала она, заставив меня поднять на неё глаза.

— Я не люблю быть такой, — прошептала, чувствуя, как внутри у все сжимается, — строгой, требовательной, холодной, злой...

— Но тебе приходится, — неожиданно прошептала девочка.

— Да, милая, — сжала её маленькие пальчики в своих, — мне приходится, даже если совсем не хочется.

— Я понимаю.

Я слабо улыбнулась, а затем погладила малышку по её золотистым, слегка вьющимся волосам.

— Ешь хлопья, хорошо? Завтрак — это самая важная часть пищи, помнишь? — Адель кивнула, а затем задорно подняла свою ладонь вверх.

— Только если ты обещаешь, что больше не будешь грустить.

— Обещаю, — серьезно сказала, тоже поднимая свою ладонь, и Ади хлопнула по ней своей маленькой ручкой.

— Договорились! — радостно воскликнула малышка, после чего быстро взяла ложку и начала с большим аппетитом поглощать хрустящих монстриков, не забывая периодически обливаться молоком.

Я улыбнулась, медленно опуская свою руку вниз и не сводя своего взгляда с Адель. Для меня не было ничего важнее, чем видеть своих девочек такими беззаботными, веселыми

и жизнерадостными. За каждую их улыбку я готова была отдать все, что имела, хоть и знала, что этого все равно будет мало. Ведь счастье нельзя купить. Его нельзя измерить. Я даже не знала, можно ли дать счастью определение, ведь для каждого человека оно своё. Единственное. Родное. То, за которое он будет бороться до самого конца. И то, ради которого он, не задумываясь, пожертвует всем остальным.

Счастье бесценно. Пусть иногда нам и может казаться иначе.

– Я всё! — заявила Адель, аккуратно отодвигая от себя миску. — Скажу Мэнди, что готова ехать.

– А что, если ты сегодня не пойдешь в детский сад? — внезапно сказала я.

– Не пойду?

– Именно, — я развернулась на стуле и приблизилась к Адель. — Что, если мы пойдем в зоопарк, а затем поедем мороженое?

– Правда?

Кивнула, а затем улыбнулась.

– Тебе хотелось бы провести со мной этот день?

– Да! — задорно воскликнула Ади. — Я очень хочу! — я ничего не успела сказать, потому что малая внезапно кинулась мне на шею. — Я люблю тебя.

– Я тоже очень люблю тебя, детка, — ответила, крепко обнимая малышку, а затем быстро и игриво целуя в щеку. — А сейчас беги одевайся, а не то всё мороженое раскупят.

— Не раскупят! — весело крикнула Адель. — Это же только Я прогуливаю!

— Прогуливает? — из—за угла вышла Мэнди. Теперь на ней были джинсы и майка. — О чем это она?

— О зоопарке и мороженом.

Брови сестры взлетели вверх.

— И кто поведет её есть мороженое?

— Я.

— Что? — она облокотилась о стол. — Но ты сутки без сна, Эбби.

— Ничего, я в порядке. Спасибо, что беспокоишься.

— Ты моя сестра, разве я могу не беспокоиться о тебе?

— После того, что я сказала...

— Забудь, — перебила меня Мэнди. — Все хорошо.

— И ты не злишься на меня? — с надеждой в голосе спросила я.

— Нет.

— Даже немного?

— Даже немного.

— Даже самую чуточку?

— Эбс, — Мэнди рассмеялась и замотала головой.

— Ну хотя бы самую малую чуточку? — не унималась я.

— Ладно, если только самую малую чуточку! — сдалась

Мэнди, при этом весело рассмеявшись, и это заставило меня улыбнуться.

— Прости меня.

– Нет, это ты меня прости, — сказала Мэнди, нервно теребя пальцами. — Мы все знаем, как тебе не просто с нами. Было и есть. И вместо того, чтобы помогать тебе, мы лишь причиняем боль.

– Мэнди, ты не должна так думать, — я встала со стула и подошла к сестре. — Вы никогда не делали мне больно. Особенно ты, — приподняла её подбородок вверх, заставив заглянуть в глаза. — Ты — моя опора. Всегда ею была. И я знаю, что если со мной что-то случится, девочки никогда и ни в чем не будут нуждаться.

– Зачем ты говоришь так...

– Потому что это жизнь. И ты всё понимаешь ничуть не хуже меня.

Мэнди немного помедлила, а затем кивнула и опустила глаза вниз.

– Я готова! — Адель выбежала в коридор в своем лучшем платье, плетеных босоножках и с модной сумочкой под цвет одеяния. — Как я выгляжу?

– Милая, ты похожа на солнышко, — улыбнулась я, наклоняясь к малышке.

– А ты на небо, — ответила девочка, обвивая руками мою шею.

– Правда?

– Да, — тихо ответила Адель. — Теперь мы можем идти есть мороженое?

Я рассмеялась, поднимая визжащую от радости малышку на руки.

— Не хочешь прогулять колледж и поесть мороженого вместе с нами?

— Хочу, — усмехнулась Мэнди, перекидывая через плечо сумку. — Но заставлю себя поехать послушать лекции. Тем более, что сегодня я пишу лабораторную, от оценки которой будет зависеть, смогу ли я окончить этот год.

— Сможешь, дорогая. Мы верим в тебя.

— Да! — громко вскрикнула Адель. — Нет никого лучше моей Мэнди!

— Идите и развлекайтесь, — улыбнулась она, целуя маленькую Ади в носик, — а я позвоню миссис Кроуфорд и скажу, что Адель заболела.

— Врать очень нехорошо, — покачала головой я, и Адель повторила это движение точь—в—точь.

Мэнди усмехнулась и сложила руки на груди.

— Интересно, и у кого я этому научилась?

— Даже не представляю, — театрально удивилась я, и смех в одно мгновение заполнил пространство.

2. Дарен

Один удар. Второй. Третий. Интенсивнее. Чаше. Быстрее. Сильнее.

Я бил грушу изо всех сил, как мог, чувствуя, как с каждым ударом тело наполняется той жизненно необходимой силой, без которой уже не представлял ни одного своего дня. Ни одной его минуты. Кто—то находил успокоение в живописи, музыке или чтении, кто—то в работе, бейсбольном матче или алкоголе. Эти варианты были не для меня.

Я терпеть не мог дурацкую музыку, не понимал людей, которые часами напролет читали бесполезные книжки, считая, что так познают мир. Не любил смотреть на намалеванные холсты и рассуждать на тему того, как *«глубоко, должно быть, думал художник, вырисовывая эти невероятные линии...»*.

Я не смотрел бейсбол, футбол и прочую похожую ерунду, и из всего этого воспринимал лишь скачки. Лошади были моей страстью. Но ещё больше, чем самих лошадей, я любил то чувство триумфа, когда кобыла, на которую поставил, приходила к финишу первой.

Со сладким вкусом победы ничто не может сравниться.

А особенно, если эта победа приносит очередную денежную награду.

Ведь этим миром правят деньги. А тот, кто владеет деньгами, владеет и всем остальным.

И эту истину ничто и никогда не изменит.

Сосредоточился на снаряде, производя частые и мощные удары и ощущая, как кровь в жилах начинает бежать быстрее. Чувствовал, как секунду за секундой внутри разливается то, что было необходимо мне так же сильно, как и воздух. То, ради чего каждый день тренировался до полного изнеможения. То, что давало силы, и в то же время отнимало их все без остатка. То, что вызывало ни с чем несравнимое чувство эйфории. То, что я называл адреналином.

Ощущал, как пот стекает по спине, а с влажных волос капает вода. Бил кожаный мешок все сильнее и интенсивнее, и казалось, что этой силе не было предела. Спустя многие годы ожесточенных тренировок, руки будто бы онемели. Казалось, что они навсегда утратили былую чувствительность, и теперь ей не было места не только в моём теле, но и в моей душе.

С силой стиснул зубы, чувствуя, как ускоренное биение сердца звоном отзывается в ушах. Перепонки завибрировали, и я сделал резкий разворот, одним мощным ударом ноги отправляя снаряд в другой конец зала. Только когда кожаный предмет ударился о стену, позволил себе задышать.

– Ты всегда тренируешься так, словно готовишься к битве.

Знакомый голос заставил обернуться. Мой друг стоял у

стены, облокотившись о неё плечом и сложив руки на груди.

– Наша жизнь — это поле боя, — ответил, переводя дыхание.

– И готовым к её ударам нужно быть всегда, — закончил Пол.

– Давно ты тут стоишь?

Он взглянул на наручные часы.

– Минут пятнадцать, — затем пожал плечами, — хотел окликнуть тебя, но потом вспомнил, что это бесполезно. Когда тыходишь в свое Бэт—убежище, то пропадаешь для реального мира.

Слегка приподнял брови, начиная неторопливо разматывать бинты. И хотя в глазах плясали веселые искорки, выражение лица оставалось таким же сосредоточенным.

– Ты назвал мой тренировочный подвал Бэт—убежищем?

Пол усмехнулся.

– А что, разве я не прав? Ты чертовски богат, в твоём гараже стоит Линкольн², а из Генри получилась слишком удачная копия Альфреда. Тебе бы костюм, как у Брюса Уэйна, и точно будешь вылитым Бэтменом, — довольно заключил он, отталкиваясь от стены.

– Тогда ты будешь моим Робинот, — сказал, направляясь холодильнику.

– Зеленое трико я не надену.

² Экстравагантный дизайнерский автомобиль 50х годов, в данном случае является прототипом Бэтмобиля, использовавшимся в телесериале «Бэтмен» 1966 гт.

– Можем подобрать синее, — предложил, бросая Полу бутылку. — Розовое. Голубое.

– Иди к черту, — усмехнулся он. — Лучше подумай о наших клиентах. Один из них, например, звонил несколько часов назад. Собирается построить сеть дорогих отелей, охватывая побережье и центр Манхэттена. Весьма прибыльная сделка, учитывая, что её заказчик уже просто не знает, куда бы потратить свои миллионы.

– Поэтому он решил ещё больше приумножить свое состояние? Не легче ли было открыть именной благотворительный фонд или перечислить деньги на уже существующий?

Взял ведро воды, а затем поднял его над головой и опрокинул, чувствуя, как ледяная жидкость начинает словно просачиваться под кожу. Я не чувствовал холода, потому что за долгие годы привык к нему, а Пол привык к тому, чему раз за разом становился свидетелем.

– Почитав его биографию, могу почти с уверенностью сказать, что Дэмиен Гровер не тот, кто будет так «бесполезно» разбрасываться деньгами, даже несмотря на то, что испытывает острую необходимость на что—нибудь их потратить. За все эти годы он не перечислил в фонд ни цента.

– Тогда я не думаю, что нам стоит иметь с ним дело, — серьезно ответил, надевая на мокрое тело джинсы и закидывая на плечо полотенце.

– Тебя задело то, что Дэмиен не отчисляет средства на благотворительность? — спросил Пол, направляясь за мной.

— Это его личное дело. И меня оно не касается, — холодно ответил. — Я никогда не стану отказывать клиенту лишь потому, что он безразличен к окружающему миру. Единственное, что заставило меня принять такое решение, это его беззащитность. Дэмиен Гровер слишком зависит от собственных денег, и это делает его слишком слабым. Ты знаешь, что я не уважаю это качество. А значит и человека, который им обладает. Я не могу работать с тем, кого не уважаю.

— Но ты ведь даже ни разу не говорил с ним.

— Иногда для того, чтобы узнать человека, не нужно встречаться с ним. Тем более, что его биография говорит намного громче любых слов. — остановился и развернулся, внимательно смотря на друга. — Перезвони ему и сообщи, что «Даймонд Констракшн»³ отказывается заключать с ним контракт.

— Уверен?

Ответ не заставил себя ждать.

— Я всегда уверен.

— Сэр, — появившийся в дверях Генри протянул мне чистую одежду, — чай уже готов.

Я кивнул дворецкому, забирая у него из рук рубашку, а затем повернулся к другу.

— Останешься?

— Нет, побегу решать рабочие дела. Нужно просмотреть некоторые бумаги и решить вопрос с задержкой строитель-

³ «Diamond Construction» — строительная компания Дарена Бейкера.

ства. Передавай привет Элейн и скажи, что я зайду к ней, как только со всем разберусь.

— Передам, — кивнул, застегивая пуговицы.

Пол похлопал меня по плечу, а затем с улыбкой кивнул дворецкому.

— Был рад повидаться Альфред.

— Взаимно, мистер Грейсон⁴.

— Я обожаю этого парня, — довольно рассмеялся Пол, когда Генри сделал прощальный поклон и закрыл за ним дверь.

Я сложил на груди руки и пристально посмотрел на «Альфреда».

— Мистер Грейсон?

— Иногда я смотрю фильмы по комиксам, сэр. Это моя слабость.

— Ты смотришь фильмы? — искренне удивился, направляясь за Генри в гостиную. — Почему же за столько лет я ни разу не видел, как ты это делаешь?

— Потому что обычно в это время вы заняты другими делами, сэр.

— Какими же? — спросил, поправляя рукава.

— Вы спите, — ответил Генри, заставляя уголки моих губ дернуться.

Дворецкий улыбнулся в ответ, а затем осторожно кивнул, медленно и учтиво прикрывая свои глаза. Этот человек во

⁴ Ричард (Дик) Грейсон – настоящее имя первого Робина, который был подопечным, а в последствии и напарником знаменитого Бэтмена.

многом заменил мне отца и стал той семьей, в которой мы с Элейн так нуждались. Только два человека могли заставить меня улыбаться, пусть я давно и забыл, какого это.

Их присутствие в моей жизни делало меня другим человеком. Пускай всего на мгновение. Делало тем, кем я мог бы стать, если бы моя жизнь сложилась иначе. Но она сложилась именно так, и теперь я являлся тем, кем являлся.

— Дарен, садись, — знакомый голос выдернул из размышлений. Элейн улыбнулась, а затем кивнула на стул напротив. — Давай же, а не то будешь пить холодный чай.

Сдвинулся с места, при этом, не отводя своего взгляда от сестры. Её длинные светлые волосы сегодня были завязаны в слегка растрепанную косу, а небесно—синее платье подчеркивало бледновато—серебристую кожу. Её изумрудно—зеленые глаза сияли так ярко, что казалось, нужды в солнечном свете просто нет: одного её взгляда было достаточно для того, чтобы осветить весь мир и каждого его обитателя сделать безгранично счастливым.

— Эй, братец, где ты витаешь? — Элейн провела ладонью перед глазами, заставив меня часто заморгать.

— Ты что—то сказала?

— Я спросила, почему Пол не остался на чай, — повторила она.

— Он сказал, что зайдет позже. В компании накопилось много дел. Я и сам вообще—то должен там быть, но сначала хотел удостовериться, что ты в порядке.

Она подперла руками подбородок.

— И как? Удостоверился?

— Выглядишь ты неплохо, — отпив чай из чашки, сказал я.

— А чувствую себя ещё лучше, — улыбнулась Элейн. — Да ладно тебе, не стоит возиться со мной, как с маленькой.

— Элейн... твоё здоровье — это не шутки.

— Я знаю, Дарен, — вздохнув, сказала она, — но это не значит, что каждую минуту нужно мне об этом напоминать. Я начинаю чувствовать себя не такой, как все.

— Прости, — после небольшой паузы ответил. — Я постараюсь быть... сдержаннее.

— Ты? Сдержаннее? — внезапно рассмеялась она. — Если это когда-нибудь произойдет, я обязательно отмечу этот день в календаре.

— Можешь сделать это прямо сейчас, — предложил.

Элейн игриво нахмурилась.

— Сомневаюсь, что это случилось столь быстро.

— Что? Ты не веришь брату?

— Я *знаю* брата, — поправила она. — Именно поэтому понимаю, что изменить тебя сможет разве что самое настоящее чудо, — затем мечтательно улыбнулась, — либо ангел, спустившийся с небес. С улыбкой, как у самого солнца и взглядом, как у неба.

— Какой ещё ангел? У тебя нет жара? — потянулся к сестре, чтобы потрогать её лоб, но она резко отстранилась и с укором шлепнула меня по руке.

– Нет у меня жара, с чего ты взял?

– Просто ты начала говорить про ангелов, вот я и...

– Я выражалась образно! Это метафора!

– Я не понимаю, когда ты говоришь своими излюбленными эпитетами.

– Я просто хочу знать, когда ты приведешь мне компанию,

— снова по—детски улыбнулась она.

– Тебе мало Генри и миссис Поттс?

– Я очень люблю их, Дарен, но иногда мне хочется поговорить с кем—то, кто не менял мне пеленки в младенчестве.

– У тебя есть я, — самодовольно заявил, перелистывая газету, — и Пол у нас практически живет.

Элейн подавила обреченный вздох и замотала головой.

– Вы — другое дело.

– Так, — выдохнул и отложил газету в сторону, полностью сосредоточив свой взгляд на сестре, — говори прямо, чего ты хочешь.

– Чтобы в этом доме и в твоей жизни кто—то появился.

– Кто—то? — непонимающе переспросил.

– Девушка, Дарен, — эти слова заставили меня напрячься.

— Начни уже с кем—нибудь встречаться. Полюби кого—нибудь. Задумайся о будущем. С этой работой ты стал слишком отстраненным и меня пугает твое наплевательское отношение к собственной жизни, — она замолчала, словно давая мне время всё обдумать. — Я не давлю на тебя. Просто больше, чем о собственном счастье, я думаю о твоём.

Заглянул сестре в глаза и увидел в них такую грусть, от которой моментально сдавило в груди. Я не мог видеть её такой, но и дать ей то, чего она хотела, тоже был не в силах.

Мне не нужны были отношения. Я не хотел семью и детей. И уж тем более, не желал ни в кого влюбляться.

Это было моё табу.

Та сторона жизни, которая находилась для меня под запретом. И пересечь красную линию значило бы раз и навсегда разрушить себя, погубить, растоптать, уничтожить.

Обошел стол, а затем приблизился к сестре и взял её за руку.

— Для того, чтобы быть счастливым, мне не нужно с кем—то встречаться, — ласково сказал, нежно касаясь губами её лба. — Ведь у меня есть ты. В тебе всё мое счастье, Элейн. И даже ангел, спустившийся с небес, не сможет этого изменить.

Почувствовал, как она нахмурилась.

— Я не буду нянчиться с тобой всю жизнь, Дарен Бейкер. Как бы сильно тебе это не нравилось.

— Мы поговорим об этом позже, — улучил момент для того, чтобы закончить этот разговор. По крайней мере, на время. — А сейчас мне пора в офис, — быстро чмокнул сестру в щеку, а затем схватил со стула пиджак, любезно оставленный там Генри, и направился к двери.

— Ты просто сбегаешь! — крикнула она, выезжая из—за стола. — Но мы договорим, когда ты вернешься!

– Не уверен, что успею к ужину и не думаю, что вернусь до темноты, — предупредил я. — Нужно многое сделать. Не жди меня, хорошо? Ложись спать.

– Без сказки не усну, — отшутилась Элейн, чем заставила меня улыбнуться.

Причем полной, широкой и счастливой улыбкой. Той, которую теперь можно было увидеть так редко.

– Ты всегда пользовалась этим приёмом, когда была маленькая. И куда бы я не уходил, мне приходилось возвращаться к ужину, потому что я знал, что без меня ты не сомкнешь глаз. Ты была очень упрямая.

– И это не изменилось. Правда мы стали немного старше. — она усмехнулась. — Ну, или намного.

– Я постараюсь закончить дела как можно скорее, — снова прижался губами ко лбу сестры, — обещаю.

– Дарен?

– Да?

– купишь мне леденцов?

– Сколько пожелаешь, Элс.

– Мистер Бейкер, — наши взгляды одновременно переместились на дворецкого, — ваш кейс, сэр.

– Спасибо, Генри. Я снова чуть не забыл о нем, — бросил ключи в карман. — Скажи миссис Поттс, пусть приготовит рагу из овощей и тот полезный суп, который врач порекомендовал для Элейн.

– Да, сэр.

– Если будут важные звонки, переправляй на мой мобильный.

– Конечно, сэр.

– И проследи за тем, чтобы моя сестра вовремя принимала все лекарства и делала необходимые инъекции. . .

– Иди ужеее, — растянула Элейн, пытаюсь вытолкнуть меня за дверь. — Каждый день говоришь ему одно и то же. Мне кажется, уже можно выучить твои слова и повторять, как мантру.

– Ты так не хотела, чтобы я уходил, а теперь выгоняешь?

– Быстрее уйдешь, быстрее вернешься, — тут же ответила она, делая очередное усилие. — И принесешь мне, наконец, мои леденцы.

Усмехнулся, а затем переступил порог дома.

– Хорошего дня, сэр.

– Я люблю тебя! — крикнула Элейн в закрывающуюся дверь, и я успел поймать на себе ласковый взгляд её изумрудных глаз и увидеть счастливую улыбку на губах.

Я жил лишь ради этих моментов.

Тех самых, за которые готов был отдать все на свете. Потому что ничто не могло сравниться с жизнью и здоровьем моей сестры. И никогда не сможет.

Покончил с делами около полудня, а затем мы с Полом поехали на место будущей стройки.

Сегодня «Даймонд Констракшн» подписала очень выгод-

ный и весьма интересный контракт.

Заказчик хотел построить зоопарк внутри зоопарка.

Идея проекта состояла в том, чтобы, заимствовав элементы «Парка юрского периода» создать похожий парк с возможностью хотя бы на некоторое время становиться частью дикой природы. Посетители могли бы безопасно находиться среди диких зверей в специальных защитных конструкциях и наблюдать за тем, как звери ведут себя в привычных для них условиях. Это требовало немалых затрат и обещало кучу бумажной волокиты в добавок с разного рода сложностями, но я знал — всё это меня не остановит.

Да, с самого дня основания наша компания занималась лишь постройкой зданий или их реконструкцией, но что мешало нам идти в ногу со временем?

Для «Даймонд Констракшн» это будет большим шагом вперед и возможно поднимет компанию ещё на уровень выше. На мировой уровень.

Повернулся и прищурился, когда в глаза попал яркий луч солнца.

Инстинктивно потянулся к лицу и замер, прикованный взглядом к девушке.

Она была совершенно обычная. Без единого намека на дешёвую вульгарность, которая в последнее время стала так популярна среди всех, кто меня окружал. На ней были простые потертые джинсы и белая майка, а её светлые волосы были завязаны в низкий хвост. Она радостно кружила ма-

ленькую девочку, которая звонко смеялась, запрокинув голову назад, пока её легкое желтое платье развивалось на ветру.

Девушка счастливо улыбнулась, и в этот самый момент я вдруг поймал себя на мысли, что эта улыбка, вероятно, могла бы соревноваться с самым солнечным светом.

Я не мог разглядеть цвета её глаз, но отчего—то ощущал их мягкость и теплоту, пусть ни разу так и не сумел достаточно хорошо разглядеть её лицо.

Всё в этой девушке словно умышленно напоминало мне о прошлом. Возвращало в те дни, когда я и сам был ещё ребенком. Оно больно швыряло, и швыряло прямо об асфальт, напоминая о том времени, когда и я так же звонко смеялся, времени, когда и моё сердце было наполнено любовью.

Любовь... сейчас это слово почти ничего для меня не значило.

За долгие годы жизни я понял одну единственную истину: любви не существует. Она является обманом. Обыкновенной иллюзией. Коварной и мучительной ловушкой, которая, поймав тебя в свои сети, делает абсолютно всё, чтобы полностью тебя уничтожить.

— Эй, ты в порядке? Дарен? Эй, — почувствовал знакомую руку на своем плече и повернулся, встречаясь с удивленным взглядом друга.

— Что?

— Это я хотел спросить тебя, «что»? Что с тобой?

– О чем ты?

– О твоём состоянии. Ты погрузился в себя ещё глубже, чем сегодня утром во время тренировки. Я ещё никогда не видел тебя таким, — промолчал и отвернулся. — Всё нормально?

– Как всегда. Где ты был?

– Ходил за водой, — Пол протянул мне бутылку, — клиенты звонили. Ждут нас у центрального входа.

– Да, — кивнул, окончательно вернув своему голосу твердость, — пошли.

Когда Пол ушёл, я почувствовал, как какая—то доселе невидимая сила что есть мочи пыталась заставить меня повернуться. Голос в голове будто бы вопил *«обернись, ты должен обернуться»*.

И я повернулся.

Наверное, впервые в своей гребаной жизни сделал что—то настолько безумное.

Понятия не имел, что за наваждение это было, но найти её так больше и не смог.

Но я *видел* её.

Видел достаточно отчетливо для того, чтобы не списать на мираж или галлюцинацию. Я мог бы поклясться, что та девушка и её улыбка были реальны. И что, черт возьми, пускай и всего на мгновение, но она вновь заставила меня *чувствовать*.

3. Эбигейл

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? Выглядишь так, словно кто—то весь день танцевал с тобой квикстеп, — повернулась, встречая задумчивый взгляд пронзительных темных глаз. — Нет, скорее всего, его танцевали *на* тебе.

— Я в норме, просто немного устала.

— Ты хоть немного поспала? Хотя нет, не отвечай, твои мешки под глазами уже все мне рассказали. Ты вообще пользуешься тональником?

— Ты же знаешь, что нет, — спокойно ответила, открывая двери бара.

— Верно, — кивнула Нелли, усаживаясь за стойку, — и я давно твержу тебе, что это пора менять. Ты в зеркало когда в последний раз смотрелась?

— Сегодня утром вроде бы, — ответила, закидывая сумку на полочку снизу стойки.

— Вроде бы?! — Нэл почти подпрыгнула на стуле. — Милая, ты должна хотеть смотреть в зеркало! Ведь оно одно из прекраснейших творений, созданных руками человека!

— По—моему ты придаешь слишком большое значение зеркалам, — усмехнулась, начиная собирать свои волосы в хвостик.

Но подруга не собиралась отступать.

– Зеркало — мощнейшее оружие женщины. И оно имеет для неё чертовски большое значение.

– Ты права, — согласилась, делая задумчивое выражение лица, — не знаю, соглашусь ли с тем, что «зеркало — это оружие», но вот спасением я его точно смогла бы назвать. — облокотилась локтями о стойку. — Без него дико трудно, когда в глаз попадает соринка, а рядом никого нет. — Нелли вымученно прикрыла глаза. — В такие моменты я и правда могу согласиться, что зеркало — это одно из прекраснейших творений, созданных руками человека.

– Ты неисправима, Эбс, совершенно и бесповоротно.

– Знаю, — широко улыбнулась, потянувшись за тряпкой, — но ведь твоя любовь ко мне от этого не становится меньше, так?

– Мы слишком многое пережили вместе, — тихо сказала Нэл. — Мне кажется, что она никогда не станет меньше.

– Я уверена в этом, — ответила, заставляя подругу улыбнуться в ответ. Она повернула голову, и я заметила скрытую под слоем тонального крема ссадину. Свежую.

– Эй, что это у тебя?...

Я потянулась к её лицу, но Нелли резко отстранилась.

– Ничего.

– Нэл...

– Я просто упала, Эбби, все нормально, — на мгновение её взгляд забегал, и она часто заморгала, — поскользнулась на лестнице и стукнулась о перила.

— Поскользнулась на лестнице? — я не верила своим ушам. — Ты? Которая намертво вцепляется в перила?

— Да, — ответ показался мне слишком резким, чем и подтвердил мою догадку.

— У меня закружилась голова.

— Ты к врачу обращалась?

В глазах Нэл промелькнул испуг, а затем исчез так, словно его не было вовсе.

Однако, я слишком хорошо знала свою подругу. И знала, что она лжет.

— Я не посчитала нужным, — собравшись, ответила Нелли. — Просто небольшая ссадина и синяк.

Да, по части того, как нужно уметь быстро брать себя в руки, Нэл Сандерс была одной из лучших, но вот врать лучшей подруге она совсем не умела. Даже если старалась изо всех сил.

— Он снова бил тебя? — она промолчала. — Нэл, прошу, скажи мне правду.

— Нет, — еле слышно ответила она.

— Нэл...

— Я же сказала, что просто поскользнулась и упала. И это правда, — она пристально и умоляюще посмотрела мне в глаза. — Та правда, которую ты должна знать. Которую все должны знать.

Сердце мучительно зануло. Ведь, черт возьми, эта девушка была намного большим, чем просто подругой. Она была

моей семьей. А ради семьи я готова на очень многое.

— Скрывая ото всех побои, ты не сделаешь себе лучше, — объяснила я. — Лишь даешь ему понять, что он всесилен и может бить тебя столько, сколько пожелает.

— Возможно, мне и не удастся уберечь себя, — тихо ответила она, — но я не позволю, чтобы из—за меня пострадали другие.

— О чем ты? — я вышла из—за стойки и взяла подругу за руки. — Никто не пострадает. Тебе просто нужно набраться смелости и позвонить в полицию.

— Ты не знаешь Его, — она вертела головой, а я чувствовала, как трясутся её руки. — Он способен на многое. И я боюсь, что для него просто не существует границ.

— Я помогу тебе, — настаивала я. — Мы справимся с этим вместе.

— Ты не понимаешь...

— Нэл... посмотри на меня. Посмотри, — заставила подругу заглянуть себе в глаза. — Разве мы не договаривались, что что бы ни случилось, никогда не бросим друг друга в беде? Разве ты не сделала бы для меня то же самое?

— Я не могу рисковать тобой и девочками, — тихим, полным страха голосом говорила Нэл. И я осознавала, что никогда не видела её такой. — Все зашло слишком далеко, и я боюсь, что если предприму что—то, он... он очень страшный человек, Эбс.

— Не страшнее двух разъяренных женщин, — прошипела

я. — Он просто не представляет, с кем затевает войну.

— Эбби... это не твоя война...

— Не моя? — не веря услышанному, переспросила я.

— Скажи это тем женщинам, которые ежедневно страдают от рук таких уродов, как Он. Тем, кто не может самостоятельно сказать «хватит». Нет, Нелли, ты права, — завертела она головой, — все зашло слишком далеко. Мы должны поставить этого ублюдка на место.

Она опустила глаза, а затем достала мобильный.

— Он уже ищет меня, — Нэл поджала губы и выдохнула, — я пойду домой. Обещай, что ничего не предпримешь, пока я не позволю.

— Милая...

— Обещай, — потребовала она. — Прошу, Эбби, дай мне разобраться самой.

Я боялась давать подобное обещание. Очень боялась. Ведь тогда навсегда лишусь возможности поставить сукиного-сына на место.

Но Нелли так смотрела, так... умоляла.

И я в очередной раз сдалась.

— Ладно, — с трудом проговорила, — обещаю, — а затем сильнее сжала её руки. — Но если он ударит тебя снова... если перейдет границу...

— ...ты ничего не сделаешь, — настаивала она, — потому что обещала.

— Не заставляй меня делать это, Нэл. Я не вынесу, если

с тобой что—нибудь случится. С ума сойду от мысли, что могла помочь, но ничего не сделала.

— А я не вынесу, если пострадают Элли, Мэнди или Ади. Или ты. Вы — моя семья. И я буду защищать вас так долго, как могу. — хотела возразить, но Нелли крепко обняла меня. — Прости, но это мой выбор. Держись от всего этого как можно дальше.

— Дэвис! Иди за стойку, черт тебя подери! Клиенты ждут! Мы повернулись, а затем Нэл слабо улыбнулась.

— Иди. Тебе нужно работать.

— Но ты...

— Справлюсь. Все будет хорошо, — заверила она, а затем попятилась к выходу, — созвонимся, ладно? Я наберу.

Выдохнула, проводив подругу взглядом, а затем обреченно вернулась за стойку.

Всю ночь не переставая думала о том, каким ублюдком нужно быть, чтобы причинять боль любимой женщине? Чтобы раз за разом поднимать на неё руку?

Я не сомневалась, что её тело было покрыто синяками.

Я никогда не видела их. Как и не видела и самого действия.

Но если бы видела, не раздумывая спустила бы курок. Убила бы эту мразь собственными руками и ни капли не пожалела бы о содеянном.

Потому что каждый день наблюдала, как угасает эта добрая, милая и отзывчивая девочка. Как её темные, выразительные глаза становятся потускневшими и пустыми. Как из

неё с каждым днём всё сильнее уходит жизнь.

— Ай, — одернула руку, когда ощутила пронзительную боль, и лишь спустя некоторое время поняла, что стакан, который сжимала в пальцах, треснул.

Инстинктивно перевернула ладонь и обхватила запястье другой рукой, чтобы не дать крови от порезов пролиться на стойку, а затем потянулась к полотенцу на полке.

— Как моя милая сменщица провела свой день? Пришел твой спаситель, и тепе... — знакомый голос в одно мгновение перестал быть радостным. — Господи, Эбби, что ты... — он резко схватил первую попавшуюся тряпку со стола и быстро обмотал мою руку, на время останавливая кровь. — Какого черта ты тут творила?! Сражалась со стаканами?

— Я просто... я не знаю, как это вышло...

— Ладно, забудь, — высокий брюнет с темными глазами отмахнулся, заходя за стойку и на ходу прикрепляя к футболке бейджик. — Дай я гляну. По—хорошему раны нужно промывать. А лучше бы тебе показаться врачу.

— Всё нормально, Майк. Я в норме.

— Это ты называешь в норме? — он заставил меня посмотреть ему в глаза. — Ты разбила стакан *рукой*, Эбби. А это далеко не норма.

— Ты так говоришь, словно я постоянно так делаю, — нахмурилась.

— Если бы ты делала это постоянно, возможно, тогда твои слова про «норму» и имели какой—то смысл, — Майк

усмехнулся, а затем повел меня в подсобку.

— Карла, — крикнул он маленькой рыженькой девочке, — прикрой нас перед Гарри. Мне нужно помочь Эбигейл обработать руку.

— В этом нет необходимости...

— Эй, помолчи, ладно? — он потянул меня за собой. — Слышала бы Нелли то, что ты говоришь, тебе бы точно по пятое число влетело

Я закатила глаза.

— Почему ты всегда на её стороне?

— Потому что она всегда права.

— Или тут что—то другое, — тихо и с улыбкой сказала я. Так тихо, что можно было и не услышать. Вот только Майк услышал.

Почувствовала, как он напрягся, но больше ничего не сказала.

Он обрабатывал порезы и бормотал что—то о том, что подобными выходками я напоминаю ему ребенка, который вечно создает проблемы и себе, и окружающим. Говорил о том, что я совершенно не думаю о том, что делаю и какие предметы держу в руках. В общем, отчитывал как маленькую девочку. И, кажется, никогда не уставал это делать.

— Я поняла, Майк, — выдохнула, когда он закончил перевязку. — Теперь могу я вернуться к работе?

Он одарил меня хмурым взглядом, а затем сложил руки

на груди.

– Раны не глубокие, швы не потребуются. Но больно тебе все равно будет. Поэтому езжай домой.

– Майк...

– Разве я спрашивал тебя? — перебил меня, в который раз напоминая, что спорить с ним бесполезно. — Да и выглядишь ты, мягко говоря, не очень. Тебе необходим сон. И нормальная еда.

– Я не...

– Эбигейл! Зайди ко мне!

– Вот видишь, Гарри зовет, — соскочила со стола, воспользовавшись случаем. — У меня полно работы.

– Ты совершенно не думаешь о себе, — крикнул он мне вслед.

– Ты преувеличиваешь!

– Где тебя черти носят? — нахмурился Гарри, стоило мне только переступить порог. — Эта девчонка не справляется одна, не знаю, зачем вообще её нанял. Да и этот болван Майерс ещё не пришел, — проворчал он, тем самым заставляя меня улыбнуться.

– Майк пришел ещё пятнадцать минут назад, он помогал мне обработать руку.

Только сейчас мужчина обратил внимание на бинты.

– Что случилось? Ты поранилась?

– Просто слишком сильно сжала стакан. Майк сказал, что раны не глубокие, поэтому все нормально.

— Ну, раз Майк так сказал, — эти слова, казалось, и правда успокоили Гарри, он отвернулся, а затем снова, с некоторой долей понимания посмотрел на меня. — Но лучше бы тебе больше не злиться так сильно.

Я знала, что Гарри всегда видит людей насквозь. И сейчас, как и всякий здравомыслящий человек, он понимал, что для того, чтобы стакан лопнул, нужна просто не дюжая сила. И вряд ли просто протирая его, хрупкая девушка могла его разбить.

— Я помогу Карле, — перевела тему, большим пальцем указывая на дверь.

— Майк с этим справится, — Гарри встал со стула. — Для тебя у меня найдется задание поинтереснее.

— Поинтереснее?

— Один очень уважаемый человек хочет устроить небольшой прием. Нам повезло, что он захотел иметь дело именно с нами. Это большая удача для «J9».

— Твой бар один из лучших на Манхэттене, — улыбнулась я. — И этот человек сделал правильный выбор.

— Будем надеяться, что он останется того же мнения, — кивнул Гарри. — Потому что от тебя будет зависеть, обратиться ли он к нам снова.

— От меня?

— Да. Я хочу, чтобы организацию приема ты взяла на себя, — хлопнула глазами и открыла рот, чтобы возразить, но Гарри успел पहले. — Ты достаточно долго работаешь здесь

и знаешь возможности «J9», как никто другой. Ты владеешь прекрасными организаторскими способностями, а общение с людьми — твой врожденный дар. Доверив эту работу кому—то другому, я совершил бы большую ошибку, исправить которую уже не смог бы. Я верю, что именно *ты* справишься с этим, — Гарри подошел ко мне и протянул документы. — И Эбби, отказа я не приму.

Я посмотрела на красную папку, которую мой наниматель держал в руках, и поняла, что он вверяет мне что—то очень важное. Что—то особенное. Доверяет серьезную работу, надеясь на то, что я справлюсь, и что ему не придется стыдливо отводить свои глаза в сторону каждый раз, когда клиент будет проходить мимо.

Да, это большая ответственность, и я понимала, что если что—то пойдет не так, я больше никогда не смогу здесь работать. Но самое главное, больше никогда не смогу посмотреть в глаза Гарри. Человеку, который доверял мне, как себе самому.

Ощутила, как по телу забегали мурашки. Собиралась сказать, что не смогу, но поймала на себе теплый взгляд его пронзительных глаз. Он мгновенно согрел, уничтожая последние остатки тревоги и паники. Рука потянулась к красной папке, а затем я крепко сжала её в пальцах.

Я не должна думать, что не справлюсь. И тогда у меня все получится.

В конце концов, что может пойти не так?

Я практически вылетела из бара, на лету поправляя сумку и пытаюсь удержать огромную гору папок. Нет, ну разве Гарри мог ограничиться одной? Конечно, нет. Оказывается, что в той самой папке, которую я зачем—то всё—таки взяла, лежал только договор. А еще я должна была взять с собой кучу буклетов с меню и предложениями.

Честно признаться, пока я не ощутила на себе весь их вес, даже и не задумывалась о том, что их ассортимент настолько велик.

Господи, и зачем я вообще согласилась? Что на меня нашло?

Стояла бы себе всю смену за стойкой и не знала бы никаких бед, а теперь тащила через весь город пешком, неся в руках тонны макулатуры, потому что была даже не в состоянии поймать такси. Да тут любой был бы не в состоянии.

Почувствовала, как предательски заурчало в животе, и вспомнила, что уже давно ничего не ела. Не дай Бог Майк узнает, что был прав. Его альтер эго станет ещё больше.

Улыбнулась, а затем ощутила, как в сумке завибрировал мобильный. Заваленная папками, с растрепанными волосами, до которых было просто не дотянуться, я была абсолютно не готова доставать телефон, валявшийся где—то в самой глубине сумки, но понимала, что позволить себе пропустить звонок просто не могу.

А если это были её родные? Или Нелли? Вдруг что—то случилось?

Вздыхнула и, кое—как изловчившись, полезла внутрь сумки, пытаясь удержать папки, зажав их между рукой и телом. Для того, чтобы найти удобное положение, пришлось остановиться и отвернуться от солнца, которое светило прямо в глаза.

— Давай же, Эбби, ещё немного... ты сможешь достать его, не уронив папки и сохранив свою гордость, — затем покачала головой. — важнее сейчас ответить на звонок, не думай о том, как будешь выглядеть перед другими, — затем усмехнулась. — Но лучше бы все—таки никому не слышать, как ты стоишь посреди дороги и говоришь сама с собой. Это же первый признак шизофрении, — заинтересовавшись собственной мыслью, я даже выпрямилась. — Или второй...

Мои размышления прервал громкий, увеличивающийся гул и, повернув голову, я осознала, что стою на проезжей части. И на меня с бешеной скоростью несется огромная черная машина.

Я почувствовала нарастающую внутри панику, но не могла сдвинуться с места, словно ноги в одно мгновение приросли к асфальту. Чувствуя, как жизнь в прямом смысле того слова, проносится перед глазами, просто закрыла их и сильно зажмурилась, слыша, как автомобиль начинает тормозить. *Но он не успеет*, я знала, что не успеет...

В эту же секунду, какая—то невидимая сила свалила меня

с ног, заставляя упасть на дорогу и откатиться. Я могла бы поклясться, что меня сбил автомобиль, но тогда почему я не чувствовала боли? Почему не ощущала переломов? Или того хуже? Почему хотя бы не потеряла сознание и все ещё размышляла о причине, по которой ничего не чувствовала?

Я все ещё дышала, но прерывисто. Сердце все также билось, правда, раза в два быстрее. Я не открывала глаз, но чувствовала, что жива.

А ещё мне вдруг показалось, что сбила меня вовсе не машина.

Размышления об этом прервало касание чьей—то руки. И я поняла: эта самая рука ощупывает мой пульс.

Попыталась разлепить отяжелевшие веки, но когда открыла глаза, то смогла разглядеть лишь слабое очертание человеческой фигуры.

– Голова болит?

– Нет... — это был честный ответ, хотя перед глазами всё ещё плыло.

– Свое имя помнишь?

Я задумалась, а затем кивнула.

– Помню.

– Чувствуешь тошноту или слабость? Болит что—то?

Я прислушалась к своему телу. Сглотнула и закачала головой.

– Нет... думаю, что я в порядке...

– Отлично, — мягкий голос стал резче и холоднее.

Мужчина помог мне подняться, и в этот момент я инстинктивно схватилась за голову. Она не кружилась, но её слегка покачивало.

– Стоять можешь?

– Да. Я... — хотела поблагодарить мужчину, но увидела валявшиеся на дороге файлы и забыла даже о том, что всего минуту назад находилась где—то между жизнью и смертью. — Боже, мои папки!

Пронеслась мимо своего опешившего спасителя и кинулась собирать документы.

– Ты что, совсем жизнью не дорожишь? Эй! Да что ты... Осторожно, машина! — я заметила, как мужчина дернулся в мою сторону, но успела отскочить прежде, чем он сделал ещё один шаг. — Господи, что за психопатку я спас...

– Эти файлы очень важны для меня, — сказала, склоняясь над документами. — Мой наниматель поручил мне очень важную работу, и я...

– Избавь меня от истории своей жизни, — его холодный голос заставил на мгновение замереть. — Если тебе так сильно хочется подвергать опасности свою жизнь, то это твое дело, а значит, не моя забота.

Я повернулась к нему как раз в момент, когда он отвернулся.

– Что ты имеешь в виду?

– Я видел, как тебя вот—вот собьёт машина, поэтому не мог не вмешаться. Но сейчас я уйду, а ты можешь делать,

что пожелаешь. Хоть снова кидаться под колеса.

— И ты так просто уйдешь? — спросила, пытаясь заглянуть за его спину.

— Да, — его равнодушный и резкий тон не оттолкнул, наоборот, мне ещё сильнее захотелось увидеть лицо своего спасителя.

— Но ведь я так и не поблагодарила тебя, — сказала она, стремительно направляясь за ним.

— Не стоит. Я не герой.

— Но ты спас меня.

Услышала его раздражительный вздох.

— И уже начинаю об этом жалеть.

— Сделаем вид, что я этого не слышала, а ты этого не говорил, — сказала, начиная переходить на бег.

— Но я сказал, — резко ответил он. — И прекрати идти за мной по пятам.

— Я хочу посмотреть в глаза человеку, которому теперь многим обязана.

— Если бы ты хоть иногда смотрела по сторонам, не пришлось бы быть обязанной, — зло ответил он.

Я решила пропустить его шпильку.

— Чего тебе стоит просто повернуться? Разве это так трудно?

— Да.

Его равнодушное «да» убивало. И я понятия не имела почему.

Почему?

– Я ведь просто хотела тебя поблагодарить! — крикнула, но он как шел вперед, так и продолжал идти. Даже не думая оглянуться или хотя бы замедлить шаг.

– Ну и черт с тобой. Злюка!

Я так увлеклась захлестнувшими меня эмоциями, что даже не поняла, как снова вышла на дорогу. Обиженно бормотала себе что—то под нос. А мозг улавливал только отдельные слова — *гордец, невыносимый, надменный... характерный!*

Резко встала, понимая, что мысль, внезапно возникшая в голове, в одно мгновение отключила все посторонние звуки. Я слышала лишь собственное прерывистое дыхание и частые удары сердца. И больше ничего.

Секунда. Вторая. Третья.

Повернулась, понимая, что время не остановилось.

А затем услышала оглушительный визг колес и, выдохнув, зажмурилась.

4. Дарен

Я как раз подходил к повороту, когда вдруг поймал себя на мысли, что вокруг стало слишком тихо. *Подозрительно* тихо. Конечно, я был рад, что больше не слышу глупых замечаний, раздражающих просьб и историй из жизни обезумевшей чудачки. Но вместе с тем меня не покидало странное чувство какой—то непонятной тревоги. И как бы сильно я не старался отбросить его, у меня ничего не выходило.

По упорству этой девушки, можно было определить, что она совсем не из тех, кто сдается так легко. И то, что в придачу к своей напористости, она была ещё и сумасшедшей психопаткой, лишь усиливало это чувство у внутри.

Чувство, что что—то было не так.

Я не знал почему, но мне вдруг до дикости сильно захотелось повернуться.

Я не мог отделаться от ощущения, что нуждаюсь в этом.

Точно такого же ощущения, которое завладело мной вчера в парке. Которое побудило оглянуться на то, что мне просто привиделось.

Я понятия не имел, что со мной происходило, но осознавал, что дальше так было нельзя. Ещё немного, и это сведет меня с ума, доведет до безумия и крайности. А этого я никак не мог допустить.

Дарен Бейкер никогда не будет зависеть от глупых сантиментов, предчувствий и предубеждений. И ничто и никогда этого не изменит.

Телефон в кармане завибрировал, заставляя замедлить шаг. Я посмотрел на входящий, а затем ответил на звонок.

– Да, Пол, я уже иду. Скоро буду.

– Что? — его друг улыбнулся. — Дарен Бейкер идет? Пешком? Неужели разверзлись сами Небеса?

– Нет. Моя машина сломалась.

– И просить меня заехать ты, конечно же, не стал?

– В компании много дел. Ты потратил бы драгоценное время, которого у нас итак нет.

– Ты прав.

Я перевел взгляд на соседнее здание.

– Знаю. Я всегда прав.

Фокус переместился на дорогу, и я мгновенно застыл, заметив посреди проезжей части человеческую фигуру. И не просто фигуру... а *ту самую фигуру*, которую ещё не так давно спас от несущегося автомобиля.

Какого хрена она там делает? Что вообще у этой ненормальной на уме? И зачем, к дьяволу, она закрыла глаза?!

Пол что-то говорил, но я уже не слушал, медленно опустив руку вниз.

Мой взгляд бы прикован к девушке, которая уже во второй раз играла со Смертью. И, черт возьми, я не понаслышке знал, что Она такие игры не любила.

Услышал рев мотора, а затем увидел, как из—за угла выскочил черный тонированный мерседес, точь—в—точь такой же, который чуть было не сбил эту девушку в первый раз.

Не чувствуя твердости под ногами и, не разбирая совершенно ничего вокруг, мгновенно сорвался с места и понесся в её сторону. Бежал так быстро, как не бежал ещё никогда в жизни, бежал, соревнуясь с дьявольской скоростью автомобиля.

Какого черта он не останавливается?! Почему продолжает нестись прямо на неё?! Если он не сбавит скорость... Боже, я даже думать не хотел о том, что тогда произойдет.

Буквально в ту же секунду услышал, как машина начала резко тормозить, заставляя шины завизжать по асфальту. Это было бы величайшей удачей, если бы только водитель от неожиданности не потерял управление, и вместо того, чтобы вырुлить в противоположную сторону, не нацелился прямо на «объект».

Я видел, как от пугающего звука девушка широко распахнула глаза, видел, каким страхом наполнился её взгляд и понял, что увиденное заставило её оцепенеть. Её ноги приросли к полу, а доступ к кислороду перекрыло осознание собственной беспомощности.

Из горла вырвался крик, и я побежал быстрее. Побежал, как самый настоящий зверь.

Протянул к ней руки и резко развернул, изо всех сил прижимая к себе и заставляя сделать несколько оборотов. Не

рассчитав силу, с которой отталкивал её с дороги, врезался в стену дома. Подступающая боль должна была оглушить, но я практически её не заметил. Этому жизнь научила меня в первую очередь.

— Эй, вы в порядке?! — встретил на себе взволнованный взгляд парнишки, а затем увидел неподалеку тот самый мерседес, который теперь стоял поперек полосы. — Как же хорошо, что вы оказались рядом, я... я просто не знаю, что было бы, если бы вы не появились... — было видно, как сильно он нервничает. Он был ещё совсем мальчишкой, чья жизнь всего минуту назад мелькала перед его глазами словно вспышка. — Она просто стояла там, а я... мне так жаль...

— Ты можешь ехать, — перебил его. — Я разберусь.

Парень часто закивал. Его взгляд был наполнен сильнее-шим на свете страхом, который теперь навряд ли исчезнет так скоро. Ведь только что он чуть не погубил две жизни. Только когда мальчишка пропал из поля зрения, я сумел сосредоточиться на той, которую все это время крепко прижимал к своей груди.

Чувствовал, как сильно дрожало хрупкое тело в руках, и как тоненькие пальчики цеплялись за ткань рубашки. Она все ещё боялась, и я не мог этого не ощущать. Как и приятный запах, исходивший от её волос и слегка тронутой загаром кожи. Он обволакивал ноздри, словно преследуя своей целью затуманить рассудок, одурманить голову и сделать своим безвольным рабом. И как я не сопротивлялся, не под-

даться этим чарам не смог.

Что такого было в этой девушке, что заставляло меня терять голову?

Почувствовал, как её ноги ослабели и, успевая поддержать её за талию, развернулся, помогая упереться о стену здания. Она сильнее сжала мою рубашку пальцами, чтобы удержаться на ногах, и от их нажима, первые две пуговицы оторвались.

Ощутил, как они коснулись обнаженной кожи и замер, словно несколько тысяч вольт в одно мгновение поразили тело. Удар был быстрым. Практически молниеносным. Но не отталкивающим, а скорее наоборот — притягивающим.

Она стала медленно приподнимать свои веки, заставляя не только меня, но и весь мир вокруг, каждую его частичку, заморожено застыть.

Когда она подняла свои глубокие сапфировые глаза, я осознал, что ещё никогда на свете не видел столь чистого, столь идеального цвета. В нем будто бы разом сочетались все оттенки, сотворенные самим Богом. Соревноваться с такой красотой не смогло бы даже Небо. Настолько совершенной она была.

Чей—то звонкий смех за углом моментально вывел меня из оцепенения. Я резко отстранился и интуитивно попятился назад, но смог отойти лишь на несколько дюймов, потому что трясущиеся пальцы все еще стискивали ткань рубашки. Она так крепко держалась за меня, словно больше всего на

свете боялась даже попытаться отпустить.

И, черт возьми, это заставляло меня чувствовать что—то необъяснимое.

Что—то, чему в моей жизни просто не могло быть места.

— Моя рубашка, — слова прозвучали на удивление мягко, но от того не стали менее резкими. Я и правда изо всех сил старался сдерживать внутреннюю ярость, которая с каждой секундой становилась лишь сильнее, но её прикосновения невозможно было игнорировать.

Она опустила глаза на свои все ещё дрожащие пальцы, плотно сжимающие льняную ткань, и я заметил смятение, отразившееся на взволнованном лице.

Она осторожно выпустила лоскуток из своих рук, а затем вцепилась в каменную стену. Её губы слегка задрожали, а во взгляде застыло давящее, искреннее чувство вины.

Эта ненормальная напоминала мне маленькую перепуганную девочку, впервые встретившуюся с опасностью лицом к лицу. Но, вместе с тем, в её глазах я видел сильную и уверенную в себе женщину, чья отвага и бесстрашие могли победить абсолютно любой, даже самый сильный в мире страх.

Я отвел свой взгляд и отвернулся.

Почему было так тяжело уйти? Что, черт возьми, она сотворила со мной за эти несколько минут?

Что—то внутри словно мешало сделать эти несколько шагов. Уйти и забыть. Выбросить из головы. Удалить из памя-

ти. *Почему?*

Выругавшись про себя и, отбросив в сторону все эти въедливые мысли, вернул своему разуму привычное хладнокровие, но успел сделать лишь несколько шагов.

— Подождите, — её голос был едва слышен, но отзывался в сознании с такой силой и таким звучанием, что даже крик сейчас показался бы самым простым шепотом. Я слегка замедлил шаг, ощущая, что не в силах контролировать собственное тело, которое, черт подери, сейчас полностью подчинялось её мягкому тембру. — Спасибо, — выдохнула она, и я почувствовал, что она подходит ближе. — За оба раза. Я не хотела, чтобы так вышло, и...

Сжал руки в кулаки и решительно зашагал прочь. Оставив её позади и, не желая выслушивать, что она скажет дальше. Пусть это будет грубо и безразлично с моей стороны и пойдет вразрез с тем поведением, которое я обычно позволял себе по отношению к женщине. Пусть. Плевать. Сейчас я буду именно таким — невоспитанным и эгоистичным грубияном. Потому что в настоящий момент это единственное возможное решение.

Вспомнил, сколько осмысленности и мужества увидел в её глазах... какую невероятную палитру из самых разнообразных качеств смог разглядеть... и, увидев все это, не понимал, почему она поступила столь безрассудно. Почему вышла на эту чертову дорогу и стояла там, ожидая, пока...

Нет. Мне незачем знать причину. Я не должен думать об

этом. Не должен думать *о ней*. Единственное, что мне действительно стоит сделать, это забыть. Забыть это утро. Забыть то, что произошло. Забыть эту девушку, и то, что я почувствовал, заглянув ей в глаза.

Я не могу чувствовать. Просто не имею права. Сантиментам нет места в моём мире.

И никогда не будет.

— Добрый день, мистер Бейкер, — Элис быстро встала со своего места, а гул, который до этого момента стоял в приемной, моментально прекратился.

— Скажи Полу, чтобы зашел ко мне в кабинет, — отчеканил, не удастаявая её даже взглядом и стремительно направляясь к своей двери. — И побыстрее.

— Да, сэр, — она тут же потянулась к телефону, быстро набирая уже наизусть заученный номер, а остальные засуетились за своими рабочими местами, судорожно стараясь показать своему начальнику, что все это время были заняты только работой.

Кто—то пытался незаметно скинуть стаканчик с кофе в урну, а кто—то прятал недоеденные батончики в выдвижной ящик. Одни с испуганными глазами сворачивали лишние программы на своем компьютере, а другие убирали со стола все то, что не имело непосредственного отношения к работе.

Снова. Всё в этой компании ходило по замкнутому кругу.

Каждый раз я становился свидетелем одного и того же. Того, как мои сотрудники делали все что угодно, но только не работали.

Разве я когда—то был снисходительным и понимающим начальником? Одним из тех, которые улыбаются своим работникам, пьют с ними кофе и беспокоятся о проблемах, произошедших в их семье? Возможно, когда я решил дать этим людям шанс, то принял неверное решение. А ошибаться я очень не любил.

Резко распахнув дверь, бросил пакет на диван и начал расстегивать оставшиеся целыми пуговицы на своей рубашке. Заметив на столе записку, взял её в руки и развернул, мгновенно узнавая почерк.

«Знаю, что ты не любишь, когда отлучаются без предупреждения, но мне пришлось уехать. Не могла дозвониться тебе на мобильный. А оставлять сообщение твоей секретарше, все равно, что бросать слова на ветер — так же бесполезно...» — раздраженно выдохнул, не желая читать дальше.

Смял записку и одним движением бросил в стоящую в другом конце кабинета урну.

Холли Тревис. Её знали, как дочь своего отца. Дочь одного из самых известных и влиятельных людей в мире. А я знал её, как дочь человека, который когда—то собственными силами поднял «Даймонд Констракшн» с колен и спас мою семью от падения в бездонную пропасть. Ту самую пропасть,

к которой её подтолкнул Томас Бейкер.

Ту пропасть, из которой не все сумели выбраться.

– Эй, ты бы хоть дверь закрывал, прежде чем устраивать стриптиз, — усмехнулся Пол, заставляя меня моментально переключить свои мысли. — А то ведь все эти милые женщины в коридоре совсем перестанут работать.

– Все эти милые женщины, как ты выразился, итак не работают, — своим привычно холодным тоном ответил я, доставая из пакета покупку. — И мне не нравится, что ты поощряешь то, что я запрещаю.

– Да ты только выгляни в коридор, — еще шире улыбнулся Пол, — мне кажется, что работа в этом месте никогда ещё не кипела столь сильно.

– Она кипит лишь потому, что я пришел, — набросил на себя рубашку и без тени улыбки посмотрел на друга. — Но я не могу быть здесь постоянно, и ты знаешь, почему.

– Элейн, — кивнул Пол, — да, я знаю.

Справившись с пуговицами, начал застегивать запонки на рукавах.

– Тогда ты понимаешь, что подобная рабочая обстановка совершенно не годится для нашей компании.

Пол понимал, к чему я клоню, и это заставило его забеспокоиться.

– Позволь мне разобраться с этим. Я поговорю с ними и всё объясню. Уверен, что мне удастся исправить положение.

– Они работают в «Даймонд Констракшн» не первый

день, — возразил я. — И даже не первый месяц. Я дал им достаточно времени. А они потратили его зря.

— Но это ведь не выход, — он предпринял последнюю попытку отговорить меня, но и она провалилась.

Я молча посмотрел на друга, а затем открыл дверь и вышел в холл, моментально привлекая к себе всё внимание вокруг. Остановился в центре одного из небольших коридорчиков, на которые было поделено пространство компании, своим предварительным молчанием заставляя всех встать.

— В моей компании все работают по одному единственному принципу, — громко начал говорить, делая небольшую паузу, — *«приходя сюда, ты должен отдавать все свои силы этому месту»*. Ты можешь забывать о еде, о семье и даже о себе. Но забывать о своей работе — не имеешь права. Обязанности, которые каждый исполняет в «Даймонд Констракшн» являются единственно важным с того самого момента, как вы переступаете порог здания и до того, как вы выходите из него. За его пределами начинается другая жизнь, в которой я не смею указывать вам, *когда* пить кофе и красить ногти, — он сделал упор на этих словах. — Но здесь, с 9:00 и до 18:00 каждый из вас делает только то, что говорю я.

Повисло напряженное молчание, во время которого почти все испуганно глядели в пол, пытаясь устоять на дрожащих ногах. Боясь произнести хотя бы одно слово.

И не зря.

— Простите, сэр, — виновато начала какая-то девушка,

— если бы вы сказали раньше...

— Я ваш начальник, а не ваша нянька, — повышенным тоном, холодно пояснил, снова заставляя всех вздрогнуть. — В мои обязанности не входит разъяснение обыкновенных правил, которые каждый из вас должен был уяснить ещё до того, как начал здесь работать.

— Извините, мистер Бейкер, — произнесла другая девушка, — мы больше не повторим этой ошибки.

— Не повторяйте, — согласился я, — потому что все вы с этого момента уволены.

На лицах всех сотрудниц «отдела» застыл мгновенный страх. Они услышали то, чего услышать так сильно боялись. Пол обреченно закрыл глаза, а Элис, которая все это время стояла рядом, опустила их вниз, боясь сделать хотя бы одно неосторожное движение.

Работники других отделов стояли в молчании, и даже Холли, которую я заметил в дверях, смотрела в абсолютном безмолвии. Все, что она хотела сказать, можно было прочесть на её лице. Да, они все считали, что я был не прав. Считали, что я поступил жестко. Но не пытались сказать ни слова против, потому что знали — здесь решаю я.

— Элис, — обратился к своей секретарше.

— Да, сэр.

— Позаботься о том, чтобы каждый получил то, что заработал. И найди мне новых сотрудников.

— Хорошо, мистер Бейкер.

Я молча направился в свой кабинет, а затем сел за свое рабочее место и начал просматривать накопившиеся за неделю бумаги.

— Что с контрактом? — спросил, не поднимая глаз.

— Подписали, — тихо и безразлично ответил Пол, засовывая руки в карманы. — Приступаем к проекту через неделю.

Интонация друга заставила на некоторое время отвлечься от работы, и я поднял на него глаза.

— Мое решение не обсуждается. Но если тебе что—то не нравится, ты можешь пойти следом за ними. Ты знаешь, что в этой компании я никогда и никого не держу.

— Мне ты тоже так скажешь?

Властный голос заставил обоих сосредоточить свои взгляды на появившейся в дверях фигуре. В классическом комбинезоне в широкую черно—белую полосу и с собранными в элегантный пучок золотистыми волосами, Холли Тревис с самой первой минуты всегда создавала образ сильной, деловой и авторитетной женщины, владеющей не только огромным состоянием, но и вниманием всех мужчин этого города. Почти всех.

— Где ты была? — спросил, игнорируя её игривое замечание и снова сосредотачиваясь на документах.

— Встречалась с отцом, — она села на кожаный диван у стены, а затем посмотрела на Пола, который, все поняв по её взгляду, кивнул и вышел за дверь. — Он сказал, что ты не отвечаешь на его звонки, — продолжила она, переводя на

меня взгляд. — Сначала я думала, что ты просто не хочешь говорить с ним из—за того, что недавно между вами произошло, но когда сама не смогла дозвониться тебе сегодня утром, поняла, что что—то случилось с твоим телефоном.

— Разбил, — напряженно и все так же холодно сказал, закрывая папку.

— Купи новый. Или попроси об этом, в конце концов, свою секретаршу. Её обязанности мне вовсе не понятны, но так она хотя бы сделает для тебя что—то полезное.

— Холли, — резко поднял на неё свои глаза, — кому мне давать работу, а кому нет — это только мое дело. Я уже сказал Полу, и повторю тебе — если кому—то что—то здесь не нравится, то двери для него всегда открыты.

Ей определенно не понравились мои слова. Вряд ли она даже допускала, что когда—либо вообще их услышит. Но мой характер она знала так же хорошо, как и Пол, поэтому предпочла сделать вид, что просто не обратила на них внимания.

— Даяна знает людей, которые могут помочь с оформлением «коктейля», — вернулся её привычный деловой тон. — Я уже сказала, чтобы она отобрала только самых лучших дизайнеров. За всей организацией я прослежу лично. Но осталось найти хороших официантов, которые смогли бы подать приличные закуски. Возможно, я могла бы позвонить Луизе...

— Не стоит, — перебил её я, — я уже обо всем позаботил-

ся.

— Позаботился? — не поняла Холли. — Как?

Открыл было рот, но раздавшийся звонок телефона, вынудил с этим повременить.

— Да, Элис.

— Мистер Бейкер, к вам пришли.

— Кто?

— Человек от Гарри Филлипса.

— Хорошо, пусть войдет, — перевел свои глаза на Холли, — когда ты понадобишься мне, я сообщу.

Она немного замялась, пытаясь не выдать свою обескураженность моими словами, а затем нехотя, но вполне достойно поднялась с дивана, при этом, не забыв улыбнуться.

— Я буду у себя.

Спустя некоторое время я услышал чье—то негромкое «простите» и отчетливое ворчание Холли о том, что таким неуклюжим людям нужно и вовсе забыть сюда дорогу.

Если бы она встретила обыкновенного человека, не вращающегося в светских кругах, как—то иначе, я был бы слишком удивлен переменой в её характере.

— Мистер Бейкер?

Тихий голос, отчего—то показавшийся мне знакомым, заставил оторваться от документов и поднять голову. Там меня встретила пара глубоких синих глаз, в которых горело точно такое же изумление, как и в моих.

— Ты? — приподнялся со стула, все ещё слабо веря в про-

исходящее.

— Вы? — ошеломленно произнесла она, сильнее прижимая к себе папки.

— Ты что, следила за мной? — выпалил первое, что пришло в голову и нарушая глупое молчание.

— Что? Я...

— Послушай, у меня полно дел, — перебил её, понемногу приходя в себя. — И нет времени снова выслушивать, как ты благодарна мне за спасение.

— Но...

— ... и у меня нет совершенно никакого желания знать причины твоего сумасшедшего поступка. — она вновь попыталась открыть рот, но я остановил её движением руки. — Я не хочу ничего слышать, ясно? Просто уходи. У меня важная встреча.

Понадеявшись, что объяснил все более, чем доходчиво, я вновь склонился над папками на своем столе, привыкший, что если я изредка что—то и говорю не своим привычным деспотичным тоном, то, по крайней мере, не приходится повторять дважды.

— Вы всегда не даете людям и слова вставить?

Замер, услышав её вопрос, а затем снова медленно поднял глаза, встречая её хмурый взгляд. Мог бы поклясться, что если бы её руки не были заняты горой папок, то она непременно бы вызываяще их скрестила.

— Прости?

— Прощаю, — сказала она, огорошив своим ответом. — У меня не было совершенно никакого желания следить за Вами. А то, что я хотела извиниться, ещё не делает из меня неуравновешенную психопатку, какой Вы меня, по—видимому, считаете.

— Но у меня же нет оснований так думать, — с холодной иронией согласился я, — ведь только в здравом уме люди кидаются под машины.

— Я не кидалась под машину!

— Стояла на проезжей части, закрыв глаза! — повысил тон и поднялся с места. — Большая разница, верно? Ты уйдешь сама или мне позвать охрану?

— Вы всегда такой грубый?

— А ты всегда такая надоедливая?

Она молча изучала меня, внимательно вглядываясь в каждую жилку на лице, будто бы изо всех сил пыталась что—то понять. Я отвернулся, не желая, чтобы кто—то вторгнулся в его личное пространство. Я ненавидел, когда кто—то начал строить из себя чертового провидца... а особенно бесило, когда это делала та, от которой никак не удавалось отделаться.

Хотел велеть ей убираться вон из кабинета, как неожиданно вспомнил звонок Элис и слова Гарри. Я совершенно иначе посмотрел на папки в её руках и вдруг осознал то, что все это время мешала понять пелена ярости и недовольства: *это всё была она*. Та девушка, которую я спас. Та девушка,

которая не выходила из моих мыслей. Та девушка, которая должна была работать со мной. И та девушка, которая сейчас стояла здесь.

Это всё была она.

Что за игры вела Судьба?

Что пыталась доказать?

— Хорошо, — внезапно произнесла она, выдергивая меня из размышлений и делая несколько шагов к нему навстречу, — давайте попробуем начать все сначала, идет? — она взгромодила тяжелые папки на стол, а затем поправила одежду и вытянула одну руку вперед. — Меня зовут Эбигейл Дэвис, и я очень рада с вами познакомиться.

Смотрел на протянутую ладонь и не верил в то, что в этот самый момент это происходило именно со мной. И что это было самой настоящей реальностью. По всей видимости, кто—то очень великий решил позабавиться, поиграв в рулетку и подослав ко мне самую настоящую «беду в юбке».

Да ещё и такую безумную.

Сделал несколько шагов вперед, при этом, не сводя с Эбигейл взгляда. Видел, как её рука медленно опускается вниз, а в глазах пропадает ещё недавно светившееся там озорство. Встал к ней практически вплотную, опустил свой голос до хриплого, но твердого шепота.

— Принимаешь меня за идиота? — она завертела головой, инстинктивно упираясь руками в стол. — Тогда какого черта играешь со мной в эти игры? — её молчание заставило меня

наклониться и накрыть своими руками её слегка дрожащие ладони. — Я не добрый человек, Эбигейл, — еле слышно продолжал говорить. — Я не стану радоваться нашему знакомству. И то, что я еще не выгнал тебя, совсем не означает, что ты сама не захочешь уйти. Поэтому я объясню тебе очень простые правила, но сделаю это только один раз.

В глазах Эбби мелькало смятение, но она не шевелилась, внимая каждое слово.

— Я не люблю излишнее проявление эмоций и терпеть не могу, когда люди берут на себя больше, чем положено им по статусу. Если тебя прислали сюда выполнять работу, то будь добра, выполняй её молча и так, чтобы не находиться ко мне ближе, чем на милю. Я не желаю слышать твоих глупых вопросов. И у меня нет совершенно никакого интереса к твоей жизни. Да, я не позволил тебе оказаться под колесами той чертовой машины, но на этом всё. Я не хочу знать причин твоего поступка. Не хочу вообще ни о чем знать. Это другой мир, мисс Дэвис. Не тот, в котором Вы привыкли жить. Если здесь совершают промах, то больше уже никогда не стреляют снова. Здесь не прощают ошибок. И я не уверен, что такая экспансивная и наивная особа, как Вы, справится с трудностями реального, жестокого мира.

Эбигейл смотрела на меня так, словно боялась сделать хотя бы одно неосторожное движение. Я надеялся, что мои слова раз и навсегда поставят эту девочку на место, что она все поймет и примет единственно верное решение, а именно —

уйти. Я не просто думал, я был уверен, что именно так всё и будет, ведь никто и никогда не показывал иной реакции.

Осторожное, но уверенное движение её рук, заставило меня машинально убрать свои ладони от её. Я слегка растерялся, но с места так и не сдвинулся, в отличие от Эбби, которая тут же выпрямилась.

— Это уже не Ваша забота, мистер Бейкер, — её глаза загорелись такой жизненной силой, что я даже невольно замер, — тем более, что я не собираюсь совершать ошибку.

Помедлил, пытаясь увидеть истинный ответ в её глазах.

— А если ты все же оступишься? — еле слышно спросил, не сводя с неё взгляда. — Что тогда?

— Тогда я поднимусь.

— Это будет нелегко, — продолжал я.

— Я справлюсь.

— Ты так уверена в себе?

— Нет, — тихо ответила Эбигейл. — Просто я буду не одна.

Замолчал, а затем резко отстранился от неё и отошел к другому концу стола, услышав, как Эбби поймала ртом воздух.

— Почему ты так стремишься получить эту работу? — холодным и резким тоном спросил, вставая лицом к окну и засовывая руки в карманы брюк.

— Потому что обещала Гарри. А я не привыкла нарушать свои обещания.

– Хорошо. Прием состоится в пятницу вечером. У тебя есть три дня на то, чтобы все подготовить.

Услышал, как она улыбнулась.

– Хотели бы Вы посмотреть возможные варианты меню или...

– Нет, — перебил её. — Ты сделаешь все сама, без предварительного согласования со мной. — развернулся, полностью взяв под контроль свои эмоции. — Если ты думала, что мои слова были проверкой твоей стойкости, то ты ошиблась. Проверка начинается теперь.

– Я не совсем понимаю...

– Элис, — нажал кнопку своего телефона, — пригласи ко мне Холли. Это насчет приема.

– Да, сэр, — тут же ответила она.

Буквально через несколько минут дверь в кабинет отворилась и на пороге появилась роскошная блондинка, улыбка которой пропала, как только она заметила стоявшую около стола Эбигейл.

– А она что тут делает?

– Холли, — не обращая внимания на её язвительное замечание, начал я, — позволь представить тебе Эбигейл Дэвис — она займется полной организацией вечера. От фуршета и до декораций.

– Что? — в один голос ошарашено спросили они, и я заметил в глазах девчонки самый настоящий страх.

– Эта?! — возмутилась Холли. — Но она же безвкусная

и... простая, — презрительно добавила, оглядев Эбигейл с ног до головы. — Только представь, что за вечер она тебе устроит!

— Я так решил, — категорично заявил, — и это не обсуждается.

— Но мистер Бейкер... я же не дизайнер, — попыталась объяснить Эбигейл, — у меня нет организаторских способностей, и я совершенно не...

— Ты хотела эту работу, не так ли, — властно перебил её. — Ты её получила. Или не ты говорила мне о том, что тебе по силам любые трудности.

— Да, но...

— Прекрасно, — закончил за неё. — Холли расскажет тебе, что за тематику мы хотим видеть на приеме. Если у тебя появятся вопросы, не связанные с выполнением твоих прямых обязанностей, ты знаешь, к кому тебе обратиться.

— Мистер Бейкер...

— Это всё, — резко ответил, пресекая любые её попытки снова завести разговор. — Вы можете начинать работать, мисс Дэвис. Время ждать не будет.

Отвернулся к стеллажу, делая вид, что изучаю важные документы.

Когда дверь в кабинет захлопнулась, прикрыл глаза и облокотился руками о дерево.

Я должен был покончить с этим безумием прямо сейчас. Иначе мне не удастся вернуть себе полный контроль над соб-

ственными же эмоциями.

Она злила меня. Черт возьми, так сильно злила!

И я не понимал, что являлось тому причиной.

Не понимал, почему так реагировал на одно лишь присутствие этой женщины, но твердо знал, что принял верное решение. Так она будет держаться как можно дальше, а когда все закончится, они больше никогда не встретятся.

Да, я мог просто выгнать её. Мог попросить Гарри при-
слать кого—то другого или и вовсе поручить это Холли. Но не смог. Не смог потому, что слишком сильно хотел раз и навсегда проучить Эбигейл. Поставить её на место. Ведь справиться с такой работой будет ей просто не по силам.

Она поймет, что я был прав. А я лишний раз удостоверюсь в том, что никогда не ошибаюсь. Ошибки выводят из равновесия, именно поэтому я не мог себе их позволить.

В конце концов, мне нужно было продержаться всего три дня.

Три дня, и я снова вернусь к своей прежней жизни.

Да. Именно так и будет.

И я готов был поклясться, что ничто не сможет изменить решения, которое я принял.

Даже сама Судьба.

5. Эбигейл

Я вышла из кабинета в состоянии, описать которое обыкновенными словами просто не могла. Я была не просто рас-теряна, а ошеломлена и напугана. Я совсем не ожидала, что человек, который спас меня этим утром на дороге окажется клиентом «J9». Тем самым клиентом, работа с которым была для меня так важна. А я просто взяла и выставила себя перед ним полной дурой... дважды.

Да что на меня вдруг нашло? Почему я повела себя столь безрассудно?

Да, я бесспорно была импульсивна и обладала действительно взрывным, хоть и мягким характером, но не могла вспомнить, когда ещё вела бы себя *настолько* глупо.

Искоса взглянула на дверь кабинета, пытаясь представить себе человека, находящегося внутри этой комнаты. *Этот мужчина...* что—то в нем вынудило меня лишиться здравого смысла. Неожиданно я поймала себя на мысли, что в то самое мгновение не владела не только своими мыслями, но и собственным телом.

— Он прав, Эбби, — прошептала самой себе. — Ты действительно психопатка.

— Ты что—то сказала?

Резко развернулась на властный голос, увидев недоволь-

ное выражение лица своей «наставницы».

– Я...

– Не важно, — безразлично, но несколько напряженно отмахнулась Холли, — меня это не интересует. Избавь меня от мучения слушать твои глупые высказывания.

Подумать только, насколько похожи они были с этим гордецом. Может быть, они были женаты? Хотя нет, вряд ли. Я не заметила у него кольца, да и на её пальце бриллиант не сверкал. Тогда, возможно, они встречаются? Ну да, точно, не зря же говорят: муж и жена — одна сатана.

– Постарайся сделать усилие и запомнить то, что я сейчас скажу, — презрительный тон заставил меня поднять голову.

– Конечно, я...

– Прием будет официальным, — громким голосом перебила меня Холли, резко развернувшись и зашагав прочь. Я быстро пришла в себя и сорвалась с места, пытаясь на бегу достать из сумки блокнот и ручку. — Приглашены очень важные персоны. Настолько важные, что всё на вечер, начиная от декораций и заканчивая фуршетом, должно быть безупречным. Идеальным, правильным, безукоризненным... запоминай слово, которое больше нравится. Гостей будет тридцать, помимо меня, Дарена, его сестры и Пола. Еда должна быть легкой, но в то же время изысканной и сытной.

Я кивала, записывая каждую деталь.

– Среди приглашенных будут вегетарианцы, поэтому в меню не должно быть блюд лишь из мяса, рыбы и морепродук-

тов. Что касается напитков, надеюсь, ты знаешь, что предпочитают люди высшего класса, — на этих словах Холли развернулась, и так резко, что я едва успела затормозить.

— Простите, — прошептала, когда блондинка раздраженно закатила глаза.

— Дарен дал тебе шанс, — возбужденно напомнила она, — по какой причине, я не знаю. Возможно, разглядел в тебе какие—то *способности*. Но в любом случае, он — не я. Если ты допустишь хотя бы малейшую, даже самую незначительную оплошность, я не просто с позором уволю тебя, я сделаю так, что больше никто и никогда не доверит тебе не то, что организацию вечера, но даже обыкновенное мытье полов. — её ледяные глаза сверлили насквозь. — Надеюсь, ты понимаешь, что в твоих же интересах сделать все по эталону.

— Все будет сделано, как положено, — не без дрожи в голосе, но как можно более уверенно произнесла я. — Вам не стоит беспокоиться.

Неожиданно Холли улыбнулась.

— Верно, беспокоиться стоит лишь тебе. Ведь ты даже не представляешь, что такой человек, как Дарен Бейкер делает с теми, кто совершает ошибки.

— Мне известен излишне взрывной темперамент мистера Бейкера, но я не думаю, что...

— Взрывной темперамент... — усмехнувшись, повторила Холли, заставив девушку замолчать. — Скажи, Эбигейл, ты веришь в сверхъестественное? В его существование в древ-

ности и в реальном мире? В наше время.

Вопрос несколько обескуражил, но я ответила так, как думала.

— Да, верю.

— Тогда запомни этот день, — со всей серьезностью и как можно тише произнесла Холли, — потому что сегодня ты встретила самого Дьявола. Воплоти.

С этими словами она развернулась и направилась к своему кабинету, оставив меня растерянно смотреть ей вслед.

— Ты серьезно?! — Неожиданно закричала Нэл, вынуждая меня шикнуть.

— Ты можешь удивляться чуточку тише, мы же в общественном месте, — попросила её, оглядываясь на людей вокруг.

— Тише?? — она почти подпрыгнула на стуле. — Эбс, ты только что пересказала мне сюжет офигенного фильма, не меньше! А учитывая, что все это не фильм, а твоя жизнь, то я имею право радоваться так громко, как захочу!

— А вот мне совсем не радостно, — прошептала, помещивая ложкой кофе, — я выставила себя полной дурой вчера утром, причем дважды, а когда пришла в офис, он подумал, что я следила за ним. Затем я снова выставила себя полной дурой, когда простила его, ответив сарказмом на его сарказм, — выдохнула, взглянув на подругу. — Итог: я была дурой целых три раза за несколько часов. Не удивлюсь, если

он посчитает меня безумной неврастеничкой.

— Ты вовсе не безумная неврастеничка, — поддержала меня подруга.

— Ты говоришь так, потому что знаешь меня. А всё, что *он* знает обо мне, это то, что я совершенно невоспитанная и крайне неуравновешенная.

— Ему просто нужно время, чтобы узнать тебя получше, — уже спокойнее заключила Нелли, отпивая из своей чашки латте. — Первое впечатление очень часто бывает ошибочным.

— А я слышала, что первое впечатление всегда самое правильное. Поэтому, если он посчитал меня психованной, то, возможно, не так уж сильно и ошибается.

— Ну а ты? — нетерпеливо спросила Нэл, наклоняясь ближе.

— Что я? — переспросила, собираясь отпить из чашки.

— Что ты подумала, когда впервые его увидела? — она мечтательно подперла руками подбородок.

— Подумала: *как же хорошо, что он весит не под двести.*

— Ты неискраивима, — завертела головой Нелли, и я усмехнулась, — но признайся, он же красавчик, правда? Весь такой властный, сексуальный и горячий, я права?

— Обычный, — ответила, а когда заметила недовольный взгляд подруги, добавила, — я не разглядывала его, Нэл, мне было совершенно не до этого, учитывая, что я испытала настоящий шок. Причем дважды. — затем задумалась. — Нет,

даже трижды.

Но Нэл такой ответ не устроил.

— Хочешь сказать, что мужчина, который один раз уложил тебя на лопатки, а второй — припер к стене, не вызвал у тебя совершенно никакого интереса? — тараторила она. — И что между вами не проскочило никакой искры?

— Он пытался не дать мне умереть, — объяснила, отставляя чашку, — в подобной ситуации между людьми не проскакивает искра. Тем более, после того, что устроила ему в офисе, не думаю, что он сможет хотя бы смотреть на меня без раздражения.

— Тебе вообще вредно думать, — нахмурилась Нэл. — У тебя это паршиво выходит.

— Спасибо, — усмехнулась, — я ценю твою поддержку.

— Послушай, — неожиданно серьезно заговорила она, — я понимаю, что ты переживаешь, потому что он подумал о тебе хуже, чем ты этого заслуживаешь. Наверное, любой человек, имеющий твой поистине ангельский характер, беспокоился бы по этому поводу и искал бы в себе какие—то изъяны. Но, милая, у тебя их нет. То, что один раз за всю свою жизнь ты поступила не совсем разумно, еще не говорит о том, что ты дура и неврастеничка.

— Да, но он...

— ... тоже вскоре это поймет, — перебила она. — А если нет, то, что с того? Он же тебе даже не нравится верно? Так почему тебя волнует, как он будет к тебе относиться?

Я только открыла рот для того, чтобы сказать, что меня это абсолютно не волнует, как у Нэл в сумочке завибрировал мобильный. Она откинула крышку, и всего через несколько секунд радостное выражение на ее лице сменилось знакомым напряжением.

— Это Эдвард. Мне пора, — прошептала, закрывая мобильник и вставая из—за стола, — если не накормлю его завтраком перед работой, устроит мне выволочку, — она устало улыбнулась, а затем, попрощавшись, вышла из кафе.

Всё время, что мы говорили, я пыталась доказать ей, что Дарен Бейкер совсем мне не понравился. И что я не думала о нашей встрече каждую дурацкую минуту.

По сути, так оно и было. Главное ведь убедить в этом себя саму, так?

Я допила свой латте, а затем расплатилась по счету и вышла на улицу.

Времени в запасе было ещё полно, поэтому я решила пройти через парк.

На время работы в «Даймонд Констракшн», Гарри полностью освободил меня от работы в баре, поэтому я снова могла высыпаться ночами, проводить вечера в кругу семьи и просто ощущать себя обычным человеком.

Осталось лишь побороть бессонницу.

И заново выстроить режим, который через несколько дней — когда всё закончится — опять придётся перекраивать.

Прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, выпуская в легкие

свежий воздух.

Сегодня был очень тяжелый и ответственный день.

Нужно было продумать каждую мелочь, взвесить все «за» и «против» и составить окончательный план организации приема. И это учитывая тот не малозначимый факт, что опыта в подготовке подобных мероприятий у меня совсем не было.

Уже подходя к зданию, решила, что первым делом попрошу у Элис компьютер. Нужно почитать, как вообще принято готовить подобные вечера. Эта невысокая рыжеволосая девушка казалась очень милой и отзывчивой. А мне сейчас как никогда нужна была чья—то помощь.

Подышала, собралась с духом и распахнула дверь.

Несколько десятков телефонных звонков. Несмолкаемый давящий гул из голосов.

Наверное, впервые в жизни я стала свидетелем *такой* работы. Она не просто кипела, она бушевала и бурлила, сочась буквально из каждого видимого и даже скрытого от глаз уголка. Описать то, что происходило в офисе словами было очень сложно, а представить все это в своей голове и того труднее — *если такое вообще было возможно представить*.

Заметив знакомую фигуру в другом конце коридора, поспешила к ней, осторожно обходя несущихся напролом людей, которые буквально все сносили на своем пути.

— Эй, — отскочила от мужчины, который бежал на неё словно разъяренный бык. — Что здесь происходит? — спро-

сила, все еще настороженно глядя ему вслед.

– Напоминает сумасшедший дом, верно? — усмехнулась Элис. — Ты привыкнешь.

Я растерянно хлопнула глазами.

– Хочешь сказать, у вас тут такое каждый день?

– Только когда у босса плохое настроение или он неожиданно решает уволить целый отдел, — она издала нервный смешок, а затем подняла глаза. — Да, каждый день.

– Весь отдел? Ты серьезно?

Она кивнула.

– Поручил срочно найти всем замену, — затем указала на стопку анкет у себя на столе. — Мне нужно было предоставить мистеру Бейкеру пятерых кандидатов до сегодняшнего утра, а я все это время только и делала, что успокаивала бедных женщин и следила за тем, чтобы все было подписано и уплачено.

– Может быть тебе нужна помощь? — вызвалась я, хотя понятия не имела, чем вообще могла помочь.

– Я была бы рада, — выдохнула та, — но ты не знаешь, какие требования босс предъявляет к своим сотрудникам, и это лишь замедлит работу.

– Верно, — расстроено кивнула я, — жаль, что от меня так мало толку.

– Не переживай, — улыбаясь, завертела головой Элис, — я занимаюсь этим практически еженедельно, поэтому должна успеть до того, как раздастся «грозный крик».

– Мистер Бейкер так часто увольняет своих работников? Но почему?

– Ты ведь уже успела узнать его характер, верно? — тихо спросила она. — И должна понимать, какое наказание полагается за малейший проступок, способный затормозить или остановить работу компании.

– Но ведь все эти люди работают на него, — я оглядела толпу, напоминающую рабочих муравьев, трудившихся на благо своей королевы. — Неужели еще никто не уходил отсюда по доброй воле?

– Я знаю, тебе будет трудно поверить в то, что я сейчас скажу, — начала Элис, — я и сама ни за что не поверила бы, если бы лично это не испытала. Но это место словно бермудский треугольник: тот, кто однажды попадает в его стены, уже не возвращается обратно. Не по собственному желанию.

– Не могу представить, — тихо ответила я, — но звучит жутковато.

– Ты тоже почувствуешь это, — уголки губ Элис слегка приподнялись. — Это место крадет сердце каждого, кто сюда приходит, как и его хозяин.

Я только собиралась сказать, что ко мне это уж точно не относится, как неожиданный удар двери о стену заставил вздрогнуть и резко развернуться.

Девушка рядом подскочила со своего места, а во всем офисе мгновенно образовалась просто идеальная тишина. Мне даже показалось, что всей этой суеты не было и в по-

мине.

— Ну вот, — услышала она взволнованный шепот, — вулкан проснулся.

Я подняла глаза и увидела причину столь разительной перемены.

Всего в нескольких шагах, излучая мощнейшую бурю эмоций, стоял мужчина, еще недавно спасший мне жизнь. Он был абсолютно спокоен, но его глаза метали молнии.

Кажется, сейчас будет самое настоящее извержение.

— Что для вас работа здесь: развлечение или серьезное дело? — громко спросил он. Сотрудники стояли, заведя дрожащие руки за спину и виновато опустив глаза вниз. — Мой стол прогибается под бесчисленным количеством анкет, но я нанимаю лишь тех, кто, по моему мнению, способен принести компании пользу, и в числе этих людей, по воле случая, оказались все вы. Вы, как лучшие. Как избранные. Так почему, сидя у себя в кабинете и занимаясь важными делами, я вынужден слушать этот непрекращающийся гул, которому не должно быть места в моем офисе? Почему я вынужден прерываться и тратить свое время, напоминая вам всем о том, что для успешной и продуктивной работы от своих сотрудников мне нужны лишь две вещи: тишина и исполнительность? Каждому из вас прекрасно известно, что договор с «Даймонд Констракшн» не является пожизненным, и вы вправе разорвать его, когда пожелаете. Но пока вы здесь и являетесь работниками этого офиса, я хочу, чтобы соблюдение

правил этой компании было для вас превыше всего остального. Превыше сна, еды и даже вашей семьи. В противном случае я не вижу смысла держать здесь любого из вас.

Дарен замолчал, позволяя всем этим людям обдумать то, что он только что сказал, а затем, когда времени для этого уже было отдано достаточно, резко развернулся.

Я замерла, когда его взгляд остановился прямо на мне. Он смотрел так, словно видел меня впервые или пытался вспомнить, кто я такая. Возможно, он и правда успел забыть, ведь вряд ли такой человек, как Дарен Бейкер станет держать в своей голове кого—то вроде меня. *Но все же...*

— Элис, — громко сказал он, заставляя нас обеих вздрогнуть, — скажи Полу и Холли, чтобы зашли.

— Да, сэр, — она потянулась к телефонной трубке, а Дарен, еще на мгновение задержав на мне свой взгляд, быстрым шагом пересек порог своего кабинета и закрыл за собой дверь.

Я ещё долго размышляла над тем, что сказала Элис, сидя за небольшим столиком в маленькой комнатке, скорее похожей на чулан, и поедая карандаш — *вредная привычка, но что поделать.*

«*Это место крадет сердце каждого, кто сюда приходит, как и его хозяин*», — эти слова застряли в голове и ни на минуту не выходили из мыслей. Я не понимала, как человек настолько властолюбивый и жестоко сердечный может вот так просто завоевывать любовь и уважение абсолютно всех, кто работает на него.

Разве такое вообще возможно?

Разве, когда кто—то обращается с тобой, как с вещью, которую можно просто взять и выкинуть, ты хочешь остаться рядом с ним?

Разве, когда этот же человек запугивает тебя настолько, что ты забываешь есть, пить, спать, да и просто жить, у тебя не появляется совершенно никакого желания уйти?

Как эти бедняги находят в себе силы и главное — желание работать в подчинении *такого* человека?

Я выдохнула и покачала головой. *Нет, я абсолютно точно этого не понимала.*

Заставив мысли об этом деспоте наконец отойти на задний план, я сосредоточилась на разработке плана. Сама выбрала этот «кабинет», заверив Элис, что работать в тихом и полутемном месте мне будет намного комфортнее, чем сидеть в светлом зале перед Его кабинетом и без конца напрягаться от одной лишь мысли о том, что Он вот—вот снова взорвется.

Спустя несколько часов работы, разработок различных вариантов декора и оформления «коктейля», я решила, что для начала этого будет достаточно. Мне нужно было показать наработки той вычурной блондинке, которая не вызвала у меня совершенно никакой симпатии, и если та одобрит, — *на что я очень сильно рассчитывала*, — заканчивать, как говорится с теорией и переходить к практике.

Пока что я смутно представляла себе, как именно управ-

люсь со всем сама, потому что для такого объема работы нужно как минимум человек пять помощников, а затем еще несколько официантов для самого приема, которые смогли бы помочь в разносе угощений и шампанского. Насчет второго я не сильно переживала, а вот над первым еще предстояло подумать.

— Элис, ты не видела мисс Тревис? — спросила, подходя к её столу. — А то у неё свет в кабинете не горит.

— Она уехала по поручению мистера Бейкера. Телефон отключила, — подняла глаза Элис. — А что, у тебя к ней какой—то вопрос?

— Я сделала наработки, — ответила, указывая на папку в своих руках, — хотела показать их, чтобы понять, что оставить, а что убрать.

— Боюсь, что сегодня у тебя не получится посвятить кого—либо в свои идеи, — её голос наполнился искренним сочувствием, — сомневаюсь, что мисс Тревис успеет вернуться до конца дня. А мистер Бейкер и мистер Макэвой уехали на деловую встречу.

— Нет—нет—нет, как же так? Я должна закончить план до сегодняшнего вечера, ведь еще столько всего необходимо сделать, а времени остается все меньше. Без одобрения кого—либо из руководства я просто не смогу продолжать работу...

— Эбби...

— ...нужно ведь еще найти помощников и заказать все

необходимое...

– Эбигейл...

– ... я не справлюсь, не успею, и меня уволят...

– Послушай...

– ... Боже, я разочарую Гарри....

– Да послушай же ты! — крикнула Элис, вынудив меня подпрыгнуть. — Прекрати паниковать, ладно? Успокойся и сядь, — она подвела её к стулу. — С чего ты взяла, что не справишься?

– Но ведь если никто не посмотрит предварительный план... я же совсем не умею... а если я допустила серьезную ошибку? Если сделала что—то не так? Боже, все пропало, — застонала, закрывая лицо ладонями.

– И ничего не пропало.

– Правда? — оживилась, поднимая взгляд вверх. — Ты можешь связаться с мисс Тревис?

– Нет, но даже если бы я и связалась с ней, то сомневаюсь, что она приехала бы сюда, чтобы посмотреть на твой план.

– Ты права, — поникла я. — И теперь все действительно пропало.

– Нет, — завертела головой Элис, опускаясь рядом на корточки, — ведь ты не позволишь этому случиться, верно? — заметив напротив себя недоуменный взгляд, она разъяснила: — возьми всё в свои руки. Доверься фантазии. Пусть твои идеи будут исходить из самой глубины сердца. Ведь что бы ты не сделала, главное, что это будет искренне.

– Ты правда считаешь, что у меня получится?

– Уверена в этом. Я знаю тебя не так давно, но за это короткое время поняла, что у тебя есть то, что не позволит тебе так легко сдаться.

– Что?

– Характер, — с полуулыбкой ответила Элис. — Твое упорство, Эбби. Ты единственная, кто, зная нрав мистера Бейкера, осмеливается что—то ему возразить. Ты не боишься быть честной и открытой. А свет, который исходит от тебя, невозможно не замечать.

– Откуда ты знаешь, что я возражала ему? — удивленно спросила я. — Ведь о том, что случилось за теми дверями никто не... — заметила ее улыбку, а затем понимающе кивнула. — Оо... кажется, и здесь любят подслушивать, я права?

– Просто он так кричал, — виновато потупила взгляд Элис, — я хотела убедиться, что всё в порядке. Надеюсь, ты не злишься на меня?

– Нет, конечно. Не понимаю только, почему он не выгнал меня. Если никто здесь не может сказать и слова против, если уволить человека совсем ничего ему не стоит... почему он стерпел то, как я повела себя с ним?

– Не знаю, — честно ответила она. — Но одно могу сказать наверняка: у всего, что делает Дарен Бейкер, всегда есть причина. И ты узнаешь о ней. Это лишь вопрос времени.

6. Дарен

У всего, я делаю, всегда есть причина.

Любое решение, принимаемое мной как начальником, братом, другом или партнером, рождается в моей голове не просто так, а лишь после тщательно составленного плана. Так было всегда.

Точнее, до вчерашнего дня.

Я сам не знал, какого черта натворил, когда предоставил этой девчонке возможность работать на меня, да еще и самолично доверил организацию приема, имеющего такое большое значение.

Почему я просто не уволил её? Почему стерпел то, как она разговаривала? Ведь никому и никогда не позволял относиться к себе подобным образом.

Так почему же эта сумасбродная упрямецка стала исключением?

С самого утра, как только Эбигейл переступила порог офиса, я больше уже не смог сосредоточиться на работе. Стоило услышать её голос в приемной, как у меня мгновенно сорвало крышу. И всё, чего мне теперь хотелось — *увидеть её*.

Это неконтролируемое желание завладело мной так сильно, что пальцы сами непроизвольно сжимались в кулаки, заставляя до боли стискивать зубы. Никогда еще я не испыты-

вал ничего подобного, и то чувство слабости, которое ощущал по её вине не просто приводило в ярость, а попросту сводило с ума.

Меня совершенно не раздражал еле слышный из кабинета гул, но когда я понял, что больше просто не в состоянии сдерживать поток внезапно нахлынувших чувств, воспользовался им как предлогом, чтобы выйти наружу и мельком посмотреть ей в глаза.

Мне не пришлось притворяться разъяренным, ведь злость внутри действительно кипела, и потому контролировать свои эмоции становилось всё труднее. Особенно после того, как я увидел её. Стало ли мне легче? Нет. Дьявольское влечение лишь усилилось.

Недолго думая, я отправил Холли на место будущего строительства, зная, что она проведет там почти весь день, а затем сказал Элис, что мы с Полом едем на важную встречу.

Он ни о чем не спрашивал. Просто кивал, будто понимал причину моего «побега», ведь именно этим я и занимался.

Бежал.

Спустя несколько часов я уже мчался по степи, чувствуя, как все мысли уносятся прочь. Как я становлюсь совершенно иным человеком. Пусть и всего на мгновение.

С нужной силой ударил бок лошади стремянем, а затем дернул поводья и погнал еще быстрее. Это ощущение свободы, которое я испытывал, каждый раз забираясь в седло, невозможно было описать словами.

Ведь разве можно было заставить человека прочувствовать это, если его пальцы никогда ранее не сжимали кожаный ремень?

Если он никогда не сидел в седле, не падал на землю и не гнал свою лошадь галопом?

Это было бы совсем как пытаться объяснить атеисту, что Бог существует — он никогда не поймет того, чего ни разу в жизни не испытывал.

Слегка откинувшись назад и натянув поводья, стал замедлять ход, заставляя лошадь из галопа перейти к движению рысью. Вороной мустанг тряхнул головой, но послушно зашагал вперед.

Окончательно остановившись, спрыгнул вниз, не забывая благодарно коснуться ладонью его гладкой шеи. Довольно фыркнув в ответ, скакун слегка лягнул землю ногой и медленно склонил свою голову вниз.

Прижался лбом к прохладной бархатистой щеке и прикрыл глаза, осторожно поглаживая холку⁵. На короткое мгновение позволил себе почувствовать что—то, существование чего категорически отрицал за пределами этого места.

Привязанность. Близость. Преданность.

Присутствие всего этого в моей жизни всегда было, есть и будет недопустимым, непозволительным и запретным.

Конь фыркнул и топнул ногой, заставляя встретиться с ним взглядом — понимающим, осмысленным, человеческим.

⁵ Холка — место на позвоночнике лошади между её лопатками.

Он смотрел так, словно проникал в самую глубину, знал все мои мысли, страхи и желания. Иногда мне казалось, что этот жеребец видел во мне совершенно другого человека. Не того, кем меня видели окружающие. Не того, каковым мне хотелось, чтобы меня видели. А того, кем я был много лет назад.

Того, кого изо всех сил старался в себе уничтожить.

— Ты тоже не сможешь этого изменить, — прошептал, сжимая своими пальцами поводья, — я именно такой, каким меня все видят и другим уже никогда не буду.

Конь снова фыркнул, при этом протестуяще тряхнув головой.

— Иногда наши желания не совпадают с реальностью жизни, Ахига, — прошептал, заглядывая в темные проникновенные глаза. — Иногда все, что ты можешь сделать — просто принять.

Осторожно провел ладонью по его шее, чувствуя, как мустанг успокаивается от моих прикосновений.

— Он всегда относился к тебе не так, как к остальным, — знакомый голос заставил уголки губ дернуться. — С того самого дня, как ты помог ему появиться на свет, ты стал для него Наги Танка⁶, которого он почитает. — Кваху встал рядом, коснувшись скул Ахига. — Глаза говорят вещи, которые не может сказать язык. И я вижу в его глазах преданность, силу которой не каждый человек сможет объять.

— Там, где я родился, люди никогда не смогут называться

⁶ Наги Танка – на языке индейцев Сиу означает «Великий дух».

Лакота Ойате⁷.

— Когда человек удаляется от природы, его сердце превращается в камень, — после небольшой паузы сказал Кваху, продолжая гладить Ахига. — Вы живете в мире, где властвуют Гордыня, Зависть и Гнев. И вы сами создали такой мир. Вы станете Лакота Ойате, когда будете готовы измениться, — его взгляд переместился на меня, — когда будете нуждаться в ином мире.

— Этого никогда не произойдет, — покачал головой я. — Корни человеческого порока ушли слишком глубоко в землю. Невозможно представить, чтобы миллиарды людей в одночасье изменили свою жизнь.

— Указывать людям путь недостаточно, нужно вести их по нему.

Я слабо усмехнулся, дергая коня за поводья.

— Одному человеку не под силу создать мир заново.

— Но под силу положить этому начало, — спокойно ответил индеец, смотря куда—то вдаль.

Мы шли молча почти до самого поселения, потому что я не посмел проронить больше ни слова. Перед Кваху — вождем племени Сиу⁸ — преклоняли колена все, кого ему самому только доводилось видеть. Его мудрость почиталась другими народами, а доброта и справедливость становились

⁷ Лакота Ойате – на языке индейцев Сиу означает «Великий народ».

⁸ Сиу (дакота, самоназвание *dakhota, lakhota, nakhota* – заключившие мир, объединённые) – индейский народ группы сиу на севере США и юге Канады.

примером. Он был легендой в любой точке мира, потому что абсолютно в каждого вселял надежду и веру в себя.

Кваху был способен поменять жизнь кого угодно: изменить его ценности и убеждения, наставить на правильный путь, помочь понять, кем он может являться и в чем его предназначение.

Но за многие годы успешных попыток, мысли лишь одного единственного человека изменить ему так и не удалось. Да и вряд ли когда—либо удастся.

— Прежде чем ты начнешь говорить, я хочу спросить тебя, — неожиданно начал Кваху, — мне нужно знать, помнит ли воин духа Чевеио мои уроки?

— Он помнит все Ваши уроки, — уверенно ответил я, — и никогда не позволит себе забыть.

— Тогда почему же мой самый главный урок не отложился в твоей памяти? Я всегда говорил, что это место было, есть и останется твоим домом, а мы всегда будем твоей семьей. Где бы ты ни находился и какими бы ни были твои мысли. Так разве для того, чтобы захотеть остаться в доме своей семьи, нужно просить разрешения?

Кваху повернулся и пристально посмотрел мне в глаза, словно именно в этот самый момент умело считывал с них ответ. Считывал причину. Он понимал меня, наверное, лучше, чем кто бы то ни было, и способен был разглядеть то, что было сокрыто от всех остальных.

Он мог знать все мои мысли и поступки, считать, что я

поступаю неправильно, но никогда не позволял мне почувствовать свое негодование или разочарование.

— Иногда ответы на наши вопросы находятся внутри нас самих, — тихо произнес он, положив ладонь туда, где было моё сердце. — Позволь духам этого места помочь тебе,пусти их в себя, и ты увидишь, как умиряется твой Зверь. Ты увидишь, что способен победить его.

С этими словами Кваху опустил руку и, еще ненадолго задержав на мне свой взгляд, отвел его в сторону и медленно направился к дому. Оставив наедине с существом, борьба с которым мне еще лишь только предстояла.

Я выключил воду и вышел из душа, оборачиваясь махровым полотенцем и взъерошивая мокрые волосы. Я прилетел намного позже, чем планировал, и уже получил около дюжины звонков и примерно столько же сообщений от Холли, Пола, Элейн и Элис.

Последней я перезвонил сразу же, как только смог, так как по содержанию сообщений от остальных троих понял, что с ними все в порядке, и они просто интересуются, где меня — дословно — «черти носят».

Точнее, так выразилась только моя сестра, потому что только она одна и имела на это право, — которое, кстати говоря, сама себе и создала.

Натянул джинсы и футболку, а затем спустился к барному уголку в гостиной.

Уже на последней ступеньке помедлил.

Посреди гостиной, с невозмутимым выражением на лице, облокотившись о подлокотник кожаного дивана и скрестив руки на груди, стоял Пол.

Собирался спросить: какого хрена он тут забыл, как услышал знакомый звук моторчика, заставивший повернуть голову.

— Эл, — удивленно произнес, — что ты тут делаешь?

— Ты не отвечал на звонки, — сказала она, подъезжая ближе, — поэтому, когда сработал датчик, я попросила Пола привезти меня сюда.

— Не смотри на меня так, — покачал головой он, замечая на себе хмурый взгляд, — когда твоя сестра чего—то хочет, она этого добивается.

— Где ты был? — строго спросила Элейн, прерывая их еще не начавшуюся перепалку. — Почему не брал трубку?

— Над океаном была плохая связь, поэтому я...

— Поэтому, как только появилась возможность, ты перезвонил Элис, а не мне? — перебила она. И если ей хотелось пристыдить своего брата, то ей это отлично удалось. — Ты хоть знаешь, как я волновалась? Знаешь, сколько всего себе надумала?

— Эл, я не думал, что ты будешь переживать... — пытался оправдаться, — ведь меня не было всего один день...

— Ты взял вертолет, — сурово, но все еще на эмоциях, оборвала меня Элейн. — Никому не сказал, куда направля-

ешься. И перестал отвечать на звонки. Неужели ты всерьез полагаешь, что сестра не станет тревожиться за брата, когда не знает, ни где он, ни что с ним, ни почему он вдруг неожиданно сорвался и отправился в незапланированную прогулку над атлантическим океаном?!

– Послушай...

– Нет, это ты послушай, — она подняла свою ладонь вверх. *Моя маленькая милая сестренка явно гневалась.* — Если ты еще хоть раз сотворишь подобное, я задушу тебя вот этими самыми руками. Слышишь, Дарен Бейкер, я не шучу! Возьму и задушу! И меня не остановит даже то, что я слишком сильно тебя люблю!

– Не остановит? — недоверчиво спросил я.

– Ни за что, — ответила Элейн, обиженно отворачиваясь к окну и складывая руки на груди.

– Хм, — наигранно задумался, опускаясь на корточки рядом с сестрой и протягивая ей конфету, которую успел взять со столика, — но тогда кто же будет приносить тебе любимые клубничные леденцы?

Элейн перевела свой взгляд на леденец, а затем покачала головой.

– И когда ты перестанешь вести себя, как ребенок?

– Когда перестанешь и ты, — просто ответил я. — Ведь мне прекрасно известно, что ты не умеешь злиться. А особенно на тех, кто тебе дорог.

– Ты прав, — согласилась Элейн, а затем выхватила из

моих рук конфету, — но если ты поступишь так снова, я научусь. И стану делать это даже чаще, чем ты, — с вызовом бросила она, а затем задумалась. — Хотя, чаще уже, наверное, некуда.

— Прости? — мои брови игриво приподнялись. — Намечаешь на то, что я злюсь постоянно?

— А разве нет? — спросила она, продолжая разворачивать конфету. — Мне кажется, что это твое обычное состояние.

— Точно, — усмехнулся Пол, но уже через секунду улыбка с его лица исчезла. Он откашлялся и взглянул на Элейн. — Я подожду тебя в машине.

— Вот оно! — воскликнула, когда Пол вышел за дверь — Ты посмотрел на него, используя этот свой коронный «деспотично—гневный взгляд настоящего Гордеца»! Надо же, — расплылась в улыбке Элейн, — пока она не сказала мне об этом, я даже и не замечала.

— Она? — осторожно спросил, поворачиваясь к сестре.

— Эта девушка, Эбигейл, — объяснила Эл, даже не замечая, как я напрягся.

— Ты была в офисе?

— Пол возил меня. Мне нужно было забрать некоторые свои книги, — она немного помолчала, наблюдая за тем, как я наполняю стакан бурбоном. — Она такая очаровательная и милая. Почему ты не говорил мне о ней?

— А почему я должен был говорить о ней? — спросил, повышая тон. — Разве она чем—то отличается от остальных

работников компании?

— По—видимому да, — заметила Элейн, — ведь она единственная сотрудница, которая работает в каморке.

— Что?

— Я сказала, что она работает в той темной и душной каморке, — повторила Элейн. — Измученная и бледная, эта бедная девочка, кажется, даже забывает, что должна хотя бы иногда что—то есть.

Застыл на месте, словно пригвожденный, прокручивая слова Элейн в голове.

Неужели эта девчонка действительно все это время провела в тесной комнатке без окон и кондиционера, в которой с трудом умещался даже самый обыкновенный стол? Разве в моей компании не было свободных кабинетов? Разве, в конце концов, Элис не могла выделить ей отдельное рабочее место, пусть даже в самой приемной? Так почему она захотела работать в месте, в котором невозможно было находиться? Даже пять минут...

— Дарен, — голос сестры заставил меня оторваться от своих мыслей.

— Ты что—то сказала?

— Я попросила тебя что—нибудь сделать, — повторила Элейн. — Поговори с ней.

— Я не собираюсь нянчиться со своими сотрудниками.

— Но ведь она совсем ничего не ест, — настаивала сестра.

— Я не велел ей голодать, — объяснил.

— Но она голодает, — нахмурилась Эл, а затем сложила руки на груди. — И, между прочим, из—за тебя.

— Это её работа, ясно? — резко бросил, не выдержав напора сестры. — На которую я, кстати говоря, не заставлял её соглашаться. Но она согласилась, а значит, стала обыкновенной сотрудницей, на которую распространяются такие же правила, как и на всех остальных. И если для того, чтобы успешно выполнить свою работу, она не должна спать и есть, значит, так тому и быть. Потому что все это будет только её решением. И оно меня совершенно не волнует.

Элейн оставила свои бесполезные попытки воззвать к моему благоразумию, поэтому я проводил её до машины, напомним про таблетки и уколы, которые она должна была сделать в обязательном порядке. Пол обещал проконтролировать все процедуры, поэтому я успокоился и вернулся в квартиру.

Взглянув на так и нетронутый стакан с бурбоном, облокотился руками о стойку и прикрыл глаза, пытаюсь понять, почему же мысли о той, которую я даже толком не знал, уже не в первый раз заставляли терять над собой контроль.

Почему я так реагировал на неё? На одно лишь упоминание о ней?

Я возвращался домой в полной уверенности, что смог избавиться от этого странного чувства внутри, но оказалось, что оно запылало вновь, причем с удвоенной силой.

Я не знал, как утихомирить пламя, которое разгоралось

лишь сильнее при любой попытке его потушить. Словно желая полить его водой, я выливал баллон горючего.

И это чувство слабости и беспомощности... что эта девочка делала со мной?

Возможно, Кваху был прав, когда говорил, что *«иногда ответы на наши вопросы находятся внутри нас самих»*, но забыл упомянуть, что они никогда не лежат на поверхности. Для того, чтобы найти их, мы должны копать. Копать так глубоко, как только можем. Потому что они будут изловчаться, прятаться, маскироваться. Делать все для того, чтобы не попасться нам в руки. Но еще он не сказал, что когда мы приближаемся к самой сути, то чаще всего отказываемся её принимать, потому что боимся того, что можем понять.

Боимся того, кого можем выпустить наружу.

Я сидел за столом, пытаюсь сосредоточиться на работе, но все попытки оказывались тщетными. Уже несколько раз вызывал к себе Элис, и уже выпил, наверное, по меньшей мере, около пяти чашек кофе, чтобы собраться, но кроме *ней*, думать больше ни о чем не мог.

— Черт, — выругнулся, а затем потянулся к кнопке телефона, — Элис!

— Да, сэр, — тут же отозвалась девушка.

— Зайди ко мне.

Она появилась практически моментально.

В шестой раз за час.

Не успел я убрать руку с аппаратуры, как дверь уже открылась.

— Вам что—нибудь нужно мистер Бейкер? Еще кофе?

— Нет, — быстро ответил, — кофе больше не нужно. Лучше скажи мне... — немного помедлил, пытаясь сформулировать вопрос, — эта девушка... она сегодня пришла?

— Девушка? — переспросила она.

— Я что, невнятно задал вопрос? — повисил голос я.

— Извините, сэр, просто... в компании работает так много людей, вот я и...

— Не важно, — перебил её, снижая тон. — Забудь. Иди работай.

— Да, мистер Бейкер.

Сложил руки в замок и подпер ими подбородок.

Если я не удостоверюсь, что с ней все в порядке, то не смогу сосредоточиться.

Если не смогу сосредоточиться, то не сделаю важную работу.

Если не сделаю важную работу, то все мои многолетние труды пойдут насмарку.

А если они пойдут насмарку, то... нет, об этом я и вовсе не желаю думать.

Нужно прервать эту цепочку еще на самом начальном этапе.

Резко поднялся со своего кресла и рывком распахнул дверь, заставляя Элис моментально подпрыгнуть. Все в при-

емной и рабочей зоне застыли, словно в ожидании очередной бури. Но бури не было. И я просто прошел мимо.

Миновал коридор, а затем завернул за лифтовую кабину и остановился около небольшой серой двери. Она была слегка приоткрыта, поэтому я мог слышать легкое постукивание пальцев по клавишам клавиатуры.

Это было хорошим знаком и означало, что, по крайней мере, она работала. А значит, силы на это у неё были, и его сестра просто как обычно преувеличила действительность.

Собирался было уйти, как вдруг постукивание прекратилось, и наступила полная тишина. Как ни старался прислушиваться, не слышал ни её движений, ни её дыхания. И это отчего—то заставило меня напрячься.

Недолго думая, резко распахнул дверь с такой силой, что она ударилась о стеллаж, который стоял у стены, и книги моментально полетели на пол. Эбигейл испуганно подскочила со своего стула, а я осознал, что, наверное, выгляжу как полный идиот.

— Ничего, — мягко сказала она, — я соберу.

Я наблюдал за тем, как она медленно подошла к шкафу, а затем опустилась на колени и стала складывать книги в стопку, после аккуратно выставляя их на полку ровно в той последовательности, в которой они находились там до падения.

Её руки слегка дрожали, а ноги были такими же ватными, как в тот день, когда я спас ее от автомобиля. Она явно чувствовала слабость, о чем говорила бледность её кожи, кото-

рую было заметно даже при таком тусклом освещении.

Неужели подозрения Элейн на самом деле были не беспочвенными?

Тревожный звоночек в голове дал о себе знать.

– Что ты делаешь? — спросил резче, чем должен был.

– Складываю книги... — немного неуверенно отозвалась она.

– Нет, что ты делаешь *здесь*?

– Работаю... вы же сами наняли меня.

Раздражающе прикрыл глаза.

– Я имею в виду, почему ты работаешь в этом чулане. Здесь ведь совершенно нечем дышать, — протараторил так быстро и с такой злостью, что Эбигейл даже не нашла, что ответить. Она просто стояла и смотрела на меня так, словно была не в силах пошевелиться.

Я стиснул зубы, чувствуя, как все внутри начинает закипать.

– Почему ты молчишь?! Я задал тебе вопрос!! — неожиданно проорал, заставляя Эбигейл вздрогнуть и зажмуриться.

– Простите... я просто... я не...

– Тебя разве не учили внятно выражать свои мысли? — перебил её. — Что за...

То, как она резко схватилась пальцами за края стола заставило тревожный звоночек в голове зазвонить с удвоенной силой.

Я не знал, в какой именно момент понял, что она теряет сознание, но успел подлететь к ней прежде, чем её ноги окончательно подкосились. Одной рукой поддержал её за спину, а другой инстинктивно подхватил под ноги, аккуратно приподнимая вверх.

Когда я взял Эбби на руки, то почувствовал свежий запах полевых цветов, исходивших от её кожи. Её близость погнала кровь быстрее, но вместо того, чтобы отпустить её, я замер, боясь «спугнуть» это мгновение.

Я не знал, сколько времени простоял вот так, прижимая её к себе, но пройди даже много часов, они, наверное, показались бы мне одним мигом.

Когда Эбби пошевелилась, аккуратно опустил её в кожаное кресло в углу.

Она слегка нахмурила нос и зажмурилась, когда ей в глаза попал свет от лампы.

Протянул руку к столу и медленно отвернул плафон, сам не понимая, почему делаю всё это. Почему всем своим видом показывая, что она совершенно меня не волнует, в своих мыслях снова и снова продолжаю тревожиться о ней. И почему захожу за черту, которую сам же и обозначил.

Почувствовав, что она начинает приходить в себя, резко выпрямился и отошел подальше, не желая, чтобы она видела меня таким.

– Когда в следующий раз соберешься упасть в обморок, делай это не в моем офисе, — спокойно, но резко сказал

я. — Ты прекрасно знаешь правила. Здесь работают. Всё остальное должно оставаться за пределами этого места.

Не услышав ответа, раздражающе развернулся, собираясь снова отчитать её за дурацкое молчание, которое, похоже, начинало входить у неё в привычку.

Хотел было повысить голос, но запнулся, потому что неожиданно почувствовал, как в меня врезается что—то хрупкое и маленькое. Инстинктивно сцепил свои руки так, что стройное тело, ставшее причиной «столкновения», оказалось зажатым в моих объятьях.

Её прохладные ладони легли на широкую мускулистую грудь, а глубокие небесные глаза взметнулись вверх.

Поймав их сапфировый блеск, я осознал, что именно в этот момент был беспощадно сброшен в огромную каменную пропасть, оказываясь окончательно потерянным для всего остального мира. *Кроме её.*

— Прости, — прошептала она, неотрывно смотря в мои глаза, пока я точно так же, словно замороженный, смотрел в её. — За обе ошибки.

Медленно разжал руки, а затем отстранился, понимая, что не могу держаться от неё подальше.

Черт возьми, разве это так сложно?

— Элис сказала, что ты ничего сегодня не ела, — выдумал, обходя Эбигейл со спины.

— Да, я... наверное, заработалась.

— Мои слова о том, что в этой компании забывают о еде и

сне, применимы лишь к тем сотрудникам, которые не падают в обморок от каждого переутомления, — сказал он, подходя к столу и набирая номер на телефоне. — Если твое здоровье слабое или ты не можешь эффективно работать, не доводя себя до подобного состояния, то тебе не место в «Даймонд Констракшн».

– Нет, мистер Бейкер, я...

– Элис, — повелительным тоном начал я, прерывая её слова, — принеси Эбигейл поесть. Не важно что, просто принеси. И да, — я мельком посмотрел на девушку, — найди ей нормальное рабочее место. В этом подвале дышать невозможно.

Положил трубку, а затем поймал на себе её ошеломленный, но в то же время благодарный взгляд.

– Спасибо.

– Это не ради тебя, — резко ответил ей, — а потому что в моей компании работники не доводят себя до голодного обморока. Тебе это ясно?

– Да, мистер Бейкер.

– Через полчаса я хочу видеть отчет о проделанной работе у себя на столе.

– Хорошо, — она перекатилась с пятки на носок, а её лицо озарила улыбка, заставившая меня на какое—то мгновение замереть. Поняв, что ведет себя, как ребенок, Эбигейл выпрямилась и откашлялась. — Конечно, сэр, через полчаса отчет будет лежать на вашем столе. Что—нибудь еще?

– Нет, — стараясь оставаться невозмутимым, ответил я,
— справься сначала с этим.

– Справлюсь, — с улыбкой крикнула она мне вслед, а затем я услышал её едва различимый шепот, — я никогда не подведу того, кто в меня верит.

7. Эбигейл

— Босс никогда и ни за кого еще так не переживал, — недоумевала Элис, отпивая из чашки кофе, — ну, не считая свою сестру. В ней он души не чает. Но я ни разу не видела, чтобы он относился подобным образом еще к кому—то. Это просто невероятно!

— Нет в этом ничего невероятного, — пыталась приземлить подругу. — Просто мистер Бейкер не хотел чувствовать себя виноватым в моем плохом самочувствии.

— Виноватым? — улыбнулась Элис. — Милая, такое в нашей компании совсем не редкость, и о большинстве случаев мистеру Бейкеру отлично известно. Но за все года моей работы на него в качестве личного секретаря, впервые он позвонил мне для того, чтобы я кого—то накормила.

— Возможно, раньше в этом не было необходимости... — тихо предположила я.

— Или дело тут совсем в другом, — улыбнулась она. — Представь себе лица всех в компании, когда они узнали, что босс проявляет к тебе такое повышенное внимание.

— Боже, Элис! — воскликнула я. — И почему ты такая болтливая?

— А разве я могла молчать, когда тут такое происходит?

— Никакое не происходит, пойми, это просто недоразуме-

ние. Или же ваш босс вовсе не такой тиран, каким его все считают, — прошептала, повозив вилкой по тарелке, — даже в самом жестоком человеке порой скрыто мягкое сердце.

— Да, — согласилась Элис, — только это уж точно не про нашего мистера Бейкера. Иногда мне кажется, что у него и вовсе нет сердца.

Я внимательно посмотрела на подругу, которая что—то судорожно печатала в своем смартфоне, но ничего не ответила. Сделала глоток кофе, после чего позволила мыслям унести меня в свой мир. Я понимала, почему Элис и остальные сотрудники боялись этого мужчину. Понимала, почему они считали его жестоким и бессердечным, но отчего—то мне казалось, что они попросту не видели другой его стороны.

Той, которую мне посчастливилось уловить, пускай только и мельком. Ту, которую он всячески прячет, скрывая её за большим слоем масок. Но почему?

— Слушай, а тебе не пора идти к нашему Гордецу? — спросила Элис и, заметив, как я хмурюсь, улыбнулась. — Прости. Просто это прозвище пришлось всем по вкусу.

— Да я употребила—то его лишь однажды, — закатила глаза.

— И этого оказалось достаточно, — улыбка Элис стала шире, а затем она вспомнила, — кстати! Привезли то, что ты заказывала, — потянулась к пакету за своей спиной, после чего передала его мне. — Зачем это тебе?

— Не важно, — теперь улыбнулась я, — просто кое—кому

задолжала.

— Интересно, что же ты сделала с тем мужчиной, которого оставила без одежды... — мечтательно задумалась Элис, а затем рассмеялась, когда получила от меня легкий шлепок по руке. — Да ладно тебе, я же шучу. Хотя нет, — сдалась она, — мне действительно интересно. Ну, расскажи—расскажи—расскажи.

— Чтобы ты снова всему офису растрепала? Нет, — весело завертела головой я, — на этот раз я буду молчать.

— Прошу, Эбби, ты не можешь так со мной поступить, — умоляюще пропела она, в тот же момент оказываясь рядом. — Я обещаю, что и рта не раскрою! Вот, смотри, — она застегнула молнию на своих губах, — с этого момента Элис Уайт не сумеет сломить ни одна пытка. Даже самая страшная.

Я весело рассмеялась, а затем кивнула.

— Хорошо, я расскажу, но только позволь мне сначала отчитаться перед мистером Бейкером. Иначе не видать нам обеим этой работы.

— Весомый аргумент, — выдохнула Элис. — Но запомни, я буду ждать, и пока ты не вернешься, не сдвинусь с места! — буквально через пару секунд пространство заполнил звонок телефона, заставивший Элис моментально подпрыгнуть. — Ладно, не сдвинусь со своего места! — крикнула она, подлетая к телефону и падая на стол. — «Даймонд Констракшн», Элис Уайт у телефона, чем я могу вам помочь?

Я снова улыбнулась и покачала головой, а затем развернулась к своему новому столу. Элис помогла мне устроиться в приемной, можно сказать, в нескольких шагах от её собственного рабочего места. Теперь их разделяло не более 20 футов⁹, что было довольно удобно, учитывая, что это милое рыжеволосое создание было единственным человеком во всем этом огромном офисе, с которым я могла поговорить.

Точнее, единственным, кто делать этого не боялся.

Остальные же напоминали мне зомбированных мертвецов, заикленных на собственных обязанностях, из которых невозможно было вытянуть ни единого слова. Разве что вместо слова «*мозгиши*» в их головах крутилось: «*работааа*».

Взяла со стола необходимые папки и, захватив пакет, направилась к кабинету, ведущему прямо в Ад.

Дверь, от которой я не отрывала своего взгляда, была настолько близко, что расстояние можно было запросто измерить обыкновенными шагами.

Сколько их там было... десять? Восемь? Еще меньше?

Сильнее прижав папки к груди, на мгновение прикрыла глаза, собираясь с силами, а затем негромко постучала.

– Да, — сильный мужской голос заставил сердце подскочить и снова упасть.

Я непроизвольно приложила к нему руку, мысленно приказывая успокоиться.

Да почему я так на него реагирую?

⁹ 20 футов = около 6 метров;

Сделала несколько ритмичных выдохов, а затем медленно толкнула дверь и вошла в кабинет. В его самом дальнем углу, за большим дубовым столом, сидел Он — тот, кто в последние дни совершенно не хотел покидать моих мыслей. И которому едва ли было дело до такой, как я.

— Ты опоздала, — произнес Дарен, не поднимая своих глаз и перелистывая страницу газеты. — На целую минуту.

Он что, серьезно?!

— Переезд занял больше времени, чем я предполагала, и...

— Отчет, — только и сказал он, по всей видимости, не желая выслушивать её оправдания.

Вот напыщенный индюк! Ведет себя так, словно я опоздала ни на минуту, а на все двадцать!

Сделала несколько шагов к столу, а затем положила на него файлы.

— Я хотела бы рассказать о своей идее. Она состоит в том, чтобы пос...

— Не стоит, — перебил её Дарен, невозмутимо открывая первую папку, — я умею читать.

— Как неожиданно, — себе под нос проворчала я.

— Ты что—то сказала?

Он, наконец, поднял на меня глаза.

— Я? — испуганно замерла, указав на себя, а затем замотала головой. — Нет.

Он смотрел на меня немного дольше, чем я ожидала, словно пытался разглядеть на моём лице более правдивый ответ.

Когда Дарен все же отвел свой взгляд, снова сосредотачиваясь на файле, я еле заметно выдохнула, облегченно прикрыв глаза.

Думай прежде, чем говорить, Эбби. Иначе тебе не сносить своей головы.

Отругала себя, а затем вновь посмотреть на Дьявола.

Казалось бы, он действительно внимательно изучает материал, — хотя, чему я, собственно, удивлялась? Ведь это будет его личный прием. Прием, который, по всей видимости, много для него значит и который должен пройти именно так, как он планировал.

Выражение его лица совершенно не менялось — за все то время, что он вчитывался в документ, на нем не дрогнул ни один мускул. Я не заметила ни тени улыбки, но не уловила и недовольства.

Он даже бровью ни разу не повел!

И как понять, что на уме у человека, который совершенно никак не выражает свои эмоции? Боже, он что, каменный?!

Дарен взял со стола второй файл и так же невозмутимо открыл его, начиная просматривать первые страницы. Понимая, что больше не в силах держать себя в руках, я прикусила нижнюю губу и начала мять края майки.

Я всегда так делала, когда переживала и совершенно ничего не могла с собой поделать. *Наши самые вредные привычки имеют свойство оставаться с нами навсегда.*

— Ты сама это сделала? — его неожиданный вопрос привел

меня в замешательство. Я просто стояла и молчала, не зная, что сказать. — Эбигейл, — повторил он, поднимая на меня глаза, — это твоя идея?

— Моя, — выдохнула, чувствуя, как мгновенно стало легче.

— И тебе совсем никто не помогал?

— Никто, — уже увереннее сказала я, а затем, когда, наконец, разглядела в его глазах нечто похожее на изумление, не сумела держать легкую улыбку. — Если честно, такое задание я выполняла впервые. Поэтому мне было очень важно, что вы скажете. Но я очень рада, что вы считаете мою работу достойной, пот...

— Я этого не говорил.

— Но ведь вы... — он так резко поднял на меня взгляд, что я запнулась, больше не решаясь произнести ни слова.

Теперь я понимала, что имела в виду Элис, когда говорила, что настроение этого человека меняется с молниеносной скоростью — по шкале от просто «злого» до «очень разъяренного». И понять, на какой отметке оно находится в данную секунду, было почти так же трудно, как найти иголку в стоге сена, — а точнее, практически невозможно.

— Еще очень многое нужно доработать, — громко сказал Дарен, закрывая файлы и бросая их на край стола. — Ты не учла метраж зала, поэтому многие декорации не проработаны полностью.

— Да, но вы не сказали мне об этом, — решила тихо про-

изнести, при этом замечая, как Дарен замирает.

– Прости, что?

– Просто... если бы вы сразу сказали мне, на какую площадь рассчитывать, то я бы никогда... — резко поднявшись со своего кресла, он заставил меня инстинктивно замолчать.

Он начал быстро выходить из—за стола, и я осознала, что, черт возьми, сильно—пресильно попала! Недолго думая, резко схватила со стола папки, а затем попятилась назад.

– Знаете, вы правы, — испуганно лепетала, пока он величественно и гневно, хотя уже и не так быстро, направлялся в мою сторону, — мне действительно нужно внести некоторые коррективы в план. — старалась нащупать рукой дверь, мечтая поскорее выбраться отсюда и убежать как можно дальше. — Поэтому, я... — ощутила, как врезалась в стенку, причем в ту её часть, где не было ручки, а значит, и двери тоже.

Черт. Черт. Черт.

Он сократил расстояние между нами до предельного минимума, а затем медленного упер свои ладони по обе стороны от моей головы, заставляя затаить дыхание.

– Разве я отпускал тебя?

– Я просто...

– ...забыла, что здесь только я принимаю решения, — закончил он, — а я не позволял тебе уходить.

Почувствовала, как задрожала и начала инстинктивно стискивать пальцами стенку, к которой была прижата. Не

сводила с Дарена взгляда, и он тоже — не сводил. Возвышался надо мной, как огромная отвесная скала над плоской равниной — заставляя всецело ощутить свое величие и власть. От него исходил едва уловимый аромат кофе, но его нотки перебивал притягательный и дурманящий запах, который невозможно было не почувствовать — «мужской» запах. Запах, от которого сердце начинало биться в сто крат чаще, а пульс самовольно замедлялся.

Стиснула пальцы сильнее, замечая, как напряглись скулы человека, напоминавшего мне грозного Зевса, владеющего не только небесным сводом, но и всем миром. Его глаза неожиданно загорелись, словно на какое—то мгновение в них засверкала мощнейшая молния, а затем буря в них стихла так же быстро, как и появилась, и он резко убрал руки.

– Ты едешь со мной.

– Что?

– Господи, она еще и глухая, — еле слышно прорычал он, забирая со стола свой мобильный. — Я сказал, что ты едешь со мной, — затем он подошел к телефону и нажал кнопку связи, — Элис, скажи Владимиру, пусть подготовит машину. Мне нужно уехать.

Я молча наблюдала за действиями Бога, боясь неосторожно шевельнуться.

Когда он направился к двери, что—то набирая на своем смартфоне, я лишь сильнее прижалась к стене, почти что уверенная в том, что сейчас он пройдет мимо. Выйдет за эту

дверь и тем самым даст мне понять, что все его слова были просто игрой моего воображения и ничем иным. Что я услышала лишь то, что хотела услышать. *Наверное*. И что на самом деле с моим слухом все в порядке.

Но вместо этого он остановился у самого порога и повернулся.

– Тебе, что, нужно особое приглашение?

– Да... то есть, нет, — исправилась я.

– Тогда поехали, — подытожил он.

По его виду я поняла, что он едва сдерживался.

– Куда?

Дарен раздраженно стиснул зубы.

– Ко мне домой.

Мои глаза испуганно расширились.

– Что? Зачем?

– Потому что я так хочу, — властно ответил Дарен, заставляя меня замереть.

Я сильнее вжалась в стенку, дрожащими пальцами практически соскабливая с неё краску. По всей видимости, он заметил страх в моём взгляде, потому что выражение на его лице несколько смягчилось.

– Ты собираешься осмотреть зал для приема или тебе, волшебнице, это ни к чему?

– Зал...

– Да, зал, — рассердился он. — Тот, на оформление которого у тебя остались сутки.

Я внезапно сложила руки на груди.

– Вы никогда не пробовали разговаривать с людьми иначе?

Заметила, как он застыл, а затем его брови слегка сдвинулись.

– Собираешься учить меня хорошим манерам?

– То, что вы здесь главный, не дает вам права вести себя со всеми так надменно.

– Не тебе говорить мне о моих правах, — плотно сжав зубы, ответил Дарен. — Ты здесь просто для того, чтобы выполнять свою работу. А если будешь открывать свой рот не по делу, то лишишься и этой привилегии. Подвести Гарри было бы для тебя большой досадой, я прав?

При упоминании о нем, сердце мгновенно сжалось.

Я на самом деле боялась не оправдать его надежд.

Боялась, что он разочаруется во мне и станет смотреть на меня совершенно другими глазами. Но самое главное — я боялась, что Гарри перестанет мне доверять.

Вряд ли я смогла бы это пережить.

– Я только возьму сумку, — сказала, не желая смотреть этому человеку в глаза.

Пусть он считает, что имеет козырь в рукаве.

Пусть думает, что упоминание о Гарри, помогает ему усмирять мой нрав.

Пусть полагает, что я сдалась.

Ведь он даже не представляет, как сильно ошибается.

— Пятая авеню, — сказал Дарен, когда мы сели в машину.

— Пятая авеню, ну конечно, — пробурчала себе под нос, — где же ещё этот павлин может жить. И как это он вообще решился доехать до своего дворца на офисной машине.

— Карета была занята, — услышала голос, заставивший моментально замереть.

Его глаза сверлили, но я решила держаться до конца и ни за что не давать этому человеку понять, что он хоть немного меня напугал.

— Подслушивать нехорошо.

Заметила, как он шокировано повёл бровями.

Э—эм...

— Подслушивать? Мы сидим в этой машине вдвоем, — сказал он, затем мельком взглянул на водителя и добавил, — втроем. И если ты произносишь что—то вслух, то это непременно будет слышно всем.

— Могли бы заткнуть уши, — проворчала.

— Могла бы держать свои мысли при себе.

Хотела ответить индюку так же язвительно, но промолчала, гордо отвернувшись к окну. Стараясь отвлечься, смотрела на проезжающие машины и мелькающие дома. На смеющихся и сосредоточенных на чём—то людей. На кипящую вокруг жизнь.

И это успокаивало.

По крайней мере, отвлекало от этого вечно злого, спеси-

вого, напыщенного и...

— Мисс Дэвис, — мужской голос заставил повернуться.
— Позвольте вашу руку.

Владимир — их водитель, стоял немного склонившись и вытянув свою ладонь вперед. Еще до того, как я села в эту машину, мне представился шанс узнать этого человека поближе. Пока Дарен что—то обсуждал с Полом, — тем милым и приветливым брюнетом, который очень мне импонировал, — между нами тоже завязался диалог.

И пусть говорили мы всего несколько минут, этого оказалось вполне достаточно, чтобы я могла составить о Владимире своё мнение — и мне оно понравилось.

Когда он улыбнулся, я подала ему руку и вылезла из машины.

— Спасибо.

— Помогать красивым девушкам — мой долг, — его глаза блеснули, и я не смогла сдержать улыбки.

— Владимир, — грозный голос заставил нас повернуться, — ты можешь ехать. Сегодня ты мне больше не понадобишься.

— Да, сэр, — послушно кивнул он, а затем ненадолго задержал на мне свой взгляд. — Надеюсь, мы скоро встретимся. Ведь я еще не поделился своим мнением насчет несчастной любви Наташи и Андрея.

— Буду рада его услышать.

— А я — им поделиться, — с улыбкой ответил он, а затем

наклонился и коснулся своими губами моей руки.

Я слегка вздрогнула от неожиданности, но руки не убрала.

Краем глаза заметила разъяренные глаза Дьявола и его напрягшиеся скулы, словно всё это по какой—то причине выводило его из себя. *С чего бы это?*

— Ты отвлекаешь его от работы, — резко бросил он, когда Владимир сел в машину. — Не забивай его голову всякими глупостями.

Заморгала, не поверив своим ушам.

— Мы просто обсуждали «Войну и мир», — заметив в его глазах недоумение, уточнила, — это роман Льва Толстого, одного из величайших писателей мира, — недоумение с его лица никуда не исчезло, зато передалось мне, — вы, что, не читали?!

— Я не трачу свое время на подобную ерунду, — ледяным тоном ответил он.

— Это не ерунда, — заступилась я, — а классическая литература.

— Литература пишется для людей, которые предпочитают сидеть дома и читать о жизни других, вместо того, чтобы строить собственную, — громко сказал Дарен. — И пока один покоряет мир, остальные покоряются ему. Поэтому я не нахожу выгоды в литературе.

— В ней и не должно быть выгоды, — прошептала я. — Она просто учит нас чувствовать.

— Но не учит, как заработать.

– Деньги — не всё в этом мире.

– Всё, мисс Дэвис, — спокойно ответил он, — просто нужно знать, как ими пользоваться.

Сказав это, Дарен развернулся и направился к высокому стеклянному зданию, на которое я только сейчас обратила свое внимание.

Я сказала «к высокому?» Поправочка: к нереально высокому. К такому высокому что невозможно было описать его словами.

Оно возвышалось над остальными строениями, теперь казавшимися настолько маленькими, что сравнить их можно было разве что с лилипутами, в страну которых пробрался огромный зеркальный великан.

Конечно, я уже видела небоскребы и ни раз, но этот определенно был самым высоким. И выглядел так же величественно, как и человек, который в нем жил.

Я заставила себя оторвать взгляд от стеклянного дворца, а затем вошла внутрь.

Мы молча шли по длинному коридору, а затем в такой же тишине ехали в огромном зеркальном лифте, по своей грандиозности ничуть не уступающему самому зданию.

Я взглянула на экранчик, и мои глаза тут же расширились — 123 этаж! Я ехала со своим вечно разъяренным боссом на 400 метров в высоту! Боже, я просто надеялась, что сильно преувеличила эту цифру.

Когда двери лифта открылись, осторожно вышла и прак-

тически моментально замерла. Почувствовала себя Алисой, которая по волю случая попала в Страну Чудес, хоть этот Гордец совсем и не был похож на того милого белого кролика.

Всё в холле, начиная от стен и заканчивая мебелью, было выполнено в чисто белых тонах, изредка перемешиваясь с нежно—бежевым и шоколадным. Вокруг висели картины, а на полочках и некоторых тумбах стояли фотографии. Это место было таким светлым, уютным и... простым — при всей его нескрываемой дороговизне, — что тот факт, что здесь живет человек, настолько властный и жестокий, просто не укладывался у меня в голове.

Оглянувшись, заметила, что Дарен куда—то исчез, и осторожно подойдя к огромным панорамным окнам, позволила себе на мгновение выглянуть наружу.

Вид всего Манхэттена... да, что там Манхэттена! Всего Нью—Йорка! Этот вид заставил затаить дыхание. Мне показалось, словно весь мир в этот самый момент простирался перед моими глазами. Весь мир лежал на одной, лишь моей ладони.

И это чувство было несравнимо ни с одним другим чувством на свете.

И если бы я засыпала и просыпалась в таком месте, то каждый мой вечер был бы похож на настоящую сказку. Но это были лишь мечты — не более.

— Тебе никогда не жить в таком месте, Эбби, — прошепта-

ла, инстинктивно обнимая себя руками, — спустился на землю, девочка. У тебя совсем иная судьба.

Я еле заметно выдохнула и, в последний раз бросив свой взгляд на город, отвернулась. Мой взгляд переместился, заставив растерянно застыть.

Дарен стоял всего в нескольких шагах поодаль, сунув руки в карманы своих брюк. Он успел снять пиджак и закатать рукава рубашки, его скулы не были напряжены, а глаза не метали молнии, и в этот самый момент мне казалось, что передо мной другой человек.

Не тот, кого все привыкли в нем видеть.

И не тот, кем он хотел перед всеми казаться.

— Я просто... — указала на окно за своей спиной, — ...очень красивый вид.

— Я собираюсь провести прием здесь, — только и ответил он, и привычное выражение Властного Гордеца вновь поселилось на его лице.

— Да... — слегка протянула, оглядывая холл, — место чудесное. Я уже вижу, как можно расположить те декорации, которые я уже придумала. И, кажется, знаю, что еще можно добавить. Этот стол мы отодвинем. А этот диван поставим вон в тот дальний угол, — оживилась, а затем повернулась и вышла в середину зала. — Здесь должно быть пустое пространство. Все лишнее мы уберем. Там организуем для вас небольшую сцену для выступления. Вы же будете говорить речь?

Дарен не ответил, но я не растерялась и продолжила.

— Светомузыку я уже подобрала. С официантами договорилась — они тоже будут выглядеть не совсем обычно. Вот здесь можно поставить стол с закусками, — указала на место рядом с окном. — Гости будут подходить за едой и невольно бросать свой взгляд на вид, который отсюда открывается. А так, как это будет после ужина, то думаю, они смогут застать и красивый закат. Я уверена, что это придаст вечеру некое очарование.

Замолчала, ожидая его одобрения или восторга.

Интересно, что же он скажет?

Восторг был бы весьма уместен.

Ведь я понимала, что идея потрясающая.

— Мне не нужно очарование, — сухо ответил Дарен, — я просто хочу, чтобы всё прошло на уровне. У гостей должно быть достаточно еды и напитков, а декорации не должны быть вычурными или детскими. Никакой светомузыки, раскрашенных официантов и прочей романтической ерунды с закатами. Все строго и по—деловому.

— Но ведь невозможно постоянно жить в строгости, — возразила я, — уверена, вашим гостям понравится, что на вечере будет что—то, что заставит их улыбнуться. Возможно, даже повеселиться.

— Это не детский утренник, мисс Дэвис, — строго сказал он, — а высокочеловеческий прием. Люди моего мира не привыкли к подобному, и я не хочу, чтобы вашими стараниями

вокруг этого вечера и его провала много месяцев не смолкали сплетни.

— Но я не...

— Вы знаете, где находится выход, — резко перебил меня Дарен.

Я даже ответить ничего не успела, потому что он просто развернулся и ушел.

— Какой же он упрямый! — негодовала, оставшись наедине с тишиной. — Вечно злится и никогда не одобряет ни одной моей идеи! А ведь я просто хотела сделать как лучше, — обиженно сложила руки на груди, внезапно зацепившись глазами за большую цветную фотографию.

На ней была запечатлена красивая светловолосая девушка, стоявшая рядом с конем.

Она была одета в простые деревенские штаны и темно—синий свитер, и очень напоминала ту прелестную девушку, с которой я познакомилась сегодня утром, разве что на фотографии ей было не более пятнадцати. И она была не в кресле.

Её голова была естественно повернута в сторону, и у меня создалось впечатление, будто бы она не знала, что где—то неподалеку кто—то направил на неё объектив.

Я любила такие фотографии. Они были живыми. Дышали чем—то настоящим. Тем, чего никогда не передаст никакая заранее спланированная поза.

Почему Господь допустил это с ней? Почему искалечил

такую светлую душу?

Прикрыла глаза и сложила перед собой руки, шепотом произнося молитву. Возможно, кто—то скажет, что это не поможет Элейн встать на ноги, но Бог должен знать, что есть люди, которые всегда будут надеяться на чудо.

Иногда искренняя вера даже нескольких людей может оказаться сильнее самой твердой воли Господа.

Открыв глаза, сделала несколько шагов к лифту, и вдруг услышала, как что—то упало. Взглянув вниз, увидела пакет, который Элис дала мне утром.

А я чуть было о нем не забыла!

— Гордец, — пробормотала себе под нос, поднимая с пола пакет. — Постоянно твердит мне о манерах, а сам о них видимо ничего не знает. *«Это не детский утренник, мисс Дэвис, — спародировала его. — Люди моего мира не привыкли к подобному...»*. Этому богачу не угодишь.

Нажала кнопку лифта и стала ожидать, пока он приедет.

Я не понимала, что чувствовала: злость, обиду, раздражение или что—то еще, но ощущала, как то, что ещё недавно полыхало внутри, начинает медленно догорать.

Опустила глаза на подарок, который ещё сжимала в руках.

Наверное, было бы неправильно уехать и так и не отдать ему то, что так долго выбирала. Не важно, как высокомерно этот зазнайка себя вел, это же из—за неё от его прежней рубашки отлетели почти все пуговицы. Значит, её долгом было купить ему новую.

Что она и сделала, как только окончательно пришла в себя и поняла, что Судьба Затейница снова свела их вместе.

— Ладно, девочка, надеюсь, ты об этом не пожалеешь, — сделала вдох, а затем вытащила сверток из полиэтилена и положила его на небольшую тумбочку около лифта, рядом с большой и красивой вазой. Быстро нацарапала несколько слов на карточке, а затем вложила её между ленточками, которыми перевязала бумажный пакет.

Услышала, как открываются двери лифта и повернулась.

— Эй, привет, — тепло улыбнулся брюнет, заставляя её замереть. — Эбигейл, верно? Мы познакомились сегодня утром.

— Конечно... а вы Пол, — улыбнулась ему, — я помню.

— Да, — он неуверенно почесал затылок, — а что ты здесь делала? — Этот вопрос обескуражил, и я застыла. — Я хотел сказать, у тебя были какие—то дела с Дареном?

— Да. Я осматривала зал для приема. Чтобы более подробно и качественно проработать детали. Кое—что подкорректировать, а кое—что добавить.

— Дарен рассказал мне о твоём плане, — внезапно сказал он, — без особых подробностей, но я уловил суть. Могу наверняка сказать одно: ты очень талантлива. И я уверен, что любая твоя идея произведет настоящий фурор.

— Спасибо, — застенчиво ответила я, — жаль, что мистер Бейкер так не считает.

— Так он же Гордец, — усмехнулся Пол, складывая руки

на груди, и я так же не смогла сдержать улыбки. Это слово и правда прижилось.

— Я пойду, — сказала, нажимая кнопку лифта, — мне еще нужно закончить план.

— О, — услышала, когда зашла в лифт, — тебя подвезти?

— Спасибо, я доберусь.

— Уверена?

— Уверена, — согласно кивнула, а затем перевела свой взгляд на незатейливую технику, — хотя... кое с чем вы все же могли бы мне помочь, — он внимательно посмотрел на меня, и я невольно закусила губу, — я не знаю, как заставить этот лифт поехать вниз.

Пол неожиданно искренне рассмеялся, а затем уперся одной рукой о проем, другой что—то быстро нажав на цифровом дисплее.

— Вот, — всё еще улыбаясь, сказал он, — ты просто набираешь нужный этаж, а затем жмешь эту кнопку. Уже буквально через минуту лифт доставит тебя вниз. В целости и сохранности.

— Я не боюсь лифтов, — улыбнувшись, уточнила я.

— Прости, — снова рассмеявшись, сказал он, — я просто не смог удержаться.

— Спасибо.

— Обращайся, — кивнул Пол, а затем зашел обратно в квартиру.

Когда двери лифта закрылись, я прислонилась к стене и

закрыла глаза, думая о том, как много работы мне ещё только предстоит. Снова придется не спать всю ночь, а затем следить за тем, чтобы вся организация прошла именно так, как хочет Он.

Ни на йоту не отходя от намеченного плана.

А вдруг ему и на этот раз что—то придется не по вкусу?

Вдруг я облажаюсь с закусками или официанты окажутся немного неуклюжими?

Зажмурилась сильнее, а затем сделала глубокий вдох и поймала себя на мысли, что здорово влипла, когда согласилась на эту работу, потому что с таким человеком, как Дарен Бейкер, проблемы совершенно точно станут моим верным спутником.

8. Дарен

Я стоял у окна и, вертев в руках стакан с бурбоном, смотрел на город.

Очень надеялся, что девчонка, ставшая причиной всех моих бед, послушалась и ушла. Потому что меньшее, что мне сейчас было нужно — это видеть её, слышать её и говорить с ней. Хотя на самом деле я сильно этого желал.

И это была моя основная проблема.

Поднес к губам стакан и сделал глоток, ощущая, как янтарное пойло медленно стекает по горлу, согревает его, безжалостно обжигает желудок и, вместе с тем, вызывает ни с чем несравнимое отвращение.

Я не пил.

Долго пытался понять, что люди находят в алкоголе. Что за странное удовольствие получают, нажираясь и теряя себя. Но так и не смог.

Странно, верно?

Будучи сыном человека, который не представлял ни одного своего дня без бутылки, я должен был бы пристраститься к пагубной привычке. Но этого не происходило. Поэтому я просто поставил почти нетронутый стакан на крышку рояля.

Снова.

— Так и думал, что найду тебя здесь, — голос друга заста-

вил меня обернуться. Пол уже поднялся вверх по лестнице и направлялся ко мне. — Вот, — он протянул папку, — принес бумаги для завтрашней сделки.

— Отлично, — кивнул, принимая документы из его рук.

На мгновение в воздухе повисла тишина, а затем я услышал:

— Я только что встретил Эбби у лифта. Она выглядела напряженной и расстроенной.

— Наверное, устала, — предположил, проглядывая содержимое папок.

Пол снова замолчал, но сдержать поток своих эмоций всё таки не смог:

— Так, ладно, слушай, эта бедная девочка и так из кожи вон лезет, даже есть забывает, потому что очень хочет сделать твой вечер идеальным, — я замер и медленно поднял глаза на друга. — Её идеи фантастичны! Даже я, черт возьми, это признаю! Я, Дарен, — выделил он, — человек, который с самого младенчества знает всё об арт—дизайне. А ты просто не можешь её поддержать? Неужели так сложно сказать ей пару приятных слов? Неужели это и правда так трудно для тебя?

— Закончил? — когда Пол промолчал, я со звуком захлопнул папку. — Ты прекрасно знаешь меня. И тебе известно, что я никогда не стану хвалить человека, если его работа мне не нравится. Как бы легко ему от этого не стало. Если человек, работающий на меня, не может взять себя в руки и ка-

чественно выполнить то, что ему поручено, значит, ему просто не место в «Даймонд Констракшн». И мисс Дэвис знала обо всех условиях, когда соглашалась на эту работу. Так что вряд ли вечное нытье и жалобы поднимут её в моих глазах.

— Она не жаловалась, — заступился за неё Пол, а затем последовал за мной вниз, — я думаю, Эбигейл вообще не из тех, кто станет ныть из—за работы.

— Мне не интересно обсуждать своих сотрудников, Пол, — попытался остановить друга, — и если тебе больше не о чем со мной поговорить, то лучше просто помолчи.

— Как скажешь, — он сел на диван и взял со столика свежий номер «GQ»¹⁰. — Тем более, что говорить с тобой всё равно, что общаться со стенкой. Хотя нет, — усмехнулся он, — со стенкой это делать приятнее.

Я сурово посмотрел на друга и сложил руки на груди.

Испепелить не успел — мобильник Пола завибрировал.

— Это Холли, — сказал он, а затем замолчал, читая сообщение. — Заказчики хотят встретиться с нами в офисе через час.

— Что—то случилось?

— Не знаю, — напряженно ответил Пол. — Но сомневаюсь, что они зовут нас выпить кофе.

Я тоже в этом сомневался.

¹⁰ «GQ» — мужской ежемесячный журнал о моде и стиле: бизнес, спорт, истории успеха, мода, здоровье, путешествия, женщины, эротика, автомобили и технические новинки.

И это напрягало.

— Ты на машине?

— Нет, — завертел он головой. — Мы можем позвонить Владимиру.

— Я уже отпустил его на сегодня, — ответил резче, чем хотел, но понимал, что видеть своего водителя сейчас не хочу. — Вызови такси. Я спущусь через пять минут.

— Окей, — кивнул Пол, — не забудь эти папки, — он указал на файлы, которые я держал в руках, а затем скрылся за дверями лифта.

Я подошел к зеркалу, не глядя положив на тумбу папки, а затем стал спускать рукава рубашки, застегивая на запястьях пуговицы.

Мысленно готовился к проблемам, которые поджидали нас в офисе.

Снял пиджак с вешалки и, накинув на себя, ловко застегнул его снизу. Вспомнил про папки и потянулся к ним, переместив свой взгляд.

Бумажный пакет?

В голову закралась мысль о том, что его оставила Эбигейл, но я тут же прогнал её.

Бред. Зачем ей это?

Сунул пакет в ящик тумбочки и направился к лифту.

Сейчас он точно не станет с этим разбираться. У него слишком много дел. Серьезных дел. Это может и подождать.

Вышел из машины и поправил пиджак.

Сегодня на мне был темно—синий итальянский костюм от Бриони, шелковая голубая рубашка и черные лаковые туфли. Я не стал надевать галстук, так как легкая небрежность в одежде этим вечером была вполне уместна.

— Мисс Трэвис, — Владимир подал Холли руку, и она вылезла из машины, приподнимая подол платья. Глубокий вырез на спине, разрез от правого бедра. А зона декольте словно легкое золотое оперение.

Если дочь магната и выбирает себе вечерний наряд, то это определено что—то по—королевски запоминающееся.

Пол и Холли были заняты новой сделкой все оставшиеся до приема часы. Точнее, пытались спасти то, что от неё осталось — *по их словам*.

Да, я не был вежлив, когда заявил, что, если выставленные мной условия наших клиентов не устраивают, они могут проваливать. Но если сделают это, ни одна уважающая себя фирма больше никогда не захочет иметь с ним никаких дел.

Резко. Грубо. Властно. Но разве я не был прав?

Перевел взгляд на небоскреб и почувствовал, что волнуясь.

Сегодня был очень важный вечер. Очень значимый вечер. Отдавая все свои силы этой сделке, никто из нас так ни разу и не приехал, чтобы проконтролировать организацию. И теперь я просто надеялся, что девчонка ничего не испортила.

— Спасибо, приятель, — услышал знакомый голос и обернулся.

Пол захлопнул дверцу такси и широко улыбнулся.

— Твоя машина тоже сломалась? — спросил, когда тот приблизился.

— Техника — вещь непостоянная, — весело пожал плечами он. — А ты почему всё ещё не внутри? Я думал, что ты приедешь пораньше.

— Это моя вина, — прощebetала Холли, хватая меня под руку, — Кэндис очень долго возилась с моей прической. Ты же знаешь, как сложно девушке собраться.

— Ну да, — слегка натянуто улыбнулся Пол и, заметив это, я не смог сдержать усмешки. — Элейн звонила мне каждые полчаса с тех пор, как Владимир привез её, и просто кричала от восторга! Причем каждый раз еще сильнее прежнего, — рассказал он, вызывая лифт. — Теперь мне не терпится посмотреть, что наша фея сделала с твоей пещерой, что она превратилась в настоящий замок.

Холли неожиданно фыркнула.

— Прошу тебя, Пол, не восхищайся этой девицей в моём присутствии, — когда лифт приехал, она закатила глаза. — Надеюсь, эта деревенщина ничего не испортила.

— Я верю в неё. Она милая девушка. И очень способная.

— Догадываюсь о её *способностях*, — ядовито усмехнулась Холли, увереннее сжимая мою руку.

— Тебе ли об этом не знать, — с сарказмом ответил Пол.

Я старался не влезать в их перепалку. Всё время, что они работали над проектом, Холли обязательно раз в полчаса, но бросала что—то язвительное в адрес Эбигейл, а Пол в то время не упускал возможности поддеть её саму и, тем самым, защитить ненормальную.

Таким образом, я думал о девчонке постоянно, даже, если этого не хотел.

Когда двери лифта открылись, я поднял глаза и непроизвольно замер. Почувствовал, как тоненькие пальчики расслабились и теперь уже не стискивали руку — Холли была так же шокирована, как и я.

— Думаю, что тебе следует взять свои слова обратно, — услышал довольное замечание друга. — Потому что эта девочка определенно всех нас сделала.

Пол сунул руки в карманы и широко улыбнулся, оглядывая зал. Здесь всё было совершенно не так. И даже не так, как в изначальном плане.

По ширине зала тянулось несколько белоснежных арок, наверху каждой из которых блестели дорогие люстры, будто сотворенные из драгоценных алмазов. В дальнем углу стоял стол с закусками, от многообразия еды на котором у меня зарябило в глазах.

Всё было разложено максимально эстетично и полностью по моему вкусу.

Около панорамного окна, как Эбигейл и хотела, стоял длинный стол с алкоголем. Бокалы с белым и красным вином

были расставлены в строгом порядке — по цвету и вкусу — образуя фигуру, напоминающую сердце.

На соседнем столике стояли стаканы с лимонадом, соком и водой, которые создавали такие же незатейливые, но изысканные фигуры.

По залу ходили официанты с подносами — кто—то с шампанским, которого не было на столиках, а кто—то с закусками, аромат которых доносился даже из другого конца зала.

Официанты были одеты в элегантные черные брюки, такого же цвета жилетки и белые рубашки, красоту которых подчеркивали бабочки с металлическим отливом.

Думал, что больше уже ничто не сможет его удивить.

Понял, что ошибся, когда взгляд переместился на сцену.

Эбби расширила её — Господи, как? — и оборудовала всем необходимым.

Понял, что чувствую гордость за эту сумасшедшую и улыбаюсь, хотя не должен.

– Дарен, — услышал раздраженный голос Холли и прочистил горло, — зачем эта неумеха поставила столы? Разве она не знала, что это фуршет?

Конечно же, Эбигейл знала. Ведь я лично говорил ей. Но всё равно поставила несколько столиков, и на каждом — вазу с цветами.

– Хэй, принцесса, иди сюда! — я посмотрел на Пола, радостно махающего кому—то в толпе. Проследил за его взгля-

дом и замер, увидев улыбающуюся Эбби.

На ней было простое кремово—бежевое платье выше колен, обрамленное красивыми рисованными цветами, а её длинные золотистые волосы непослушными волнами падали на плечи. На её лице не было ни грамма макияжа, оно вообще было совершенно обычное, так почему же я не мог оторвать от него взгляд?

– Это просто сказка, красавица! Как ты одна смогла всё это сделать?

– Если честно, мне помогали, — немного застенчиво ответила она, мельком взглянув на меня. — Я не справилась бы без помощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.